

Ключникова Е.А.



Однажды в Птопае

Книга 3



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ева Ключникова
Однажды в Птопае. Книга 3

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ключникова Е. А.

Однажды в Птопае. Книга 3 / Е. А. Ключникова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Третья часть романа "Однажды в Птопае". Накаляются страсти в противостоянии главного героя и главного злодея. Что же будет дальше? Содержит нецензурную брань.

© Ключникова Е. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Ева Ключникова

Однажды в Птопае. Книга 3

глава 1

Опять переезд

Сегодня впервые за месяц было на удивление тихо, безветренно и спокойно. День располагал ко сну или неактивному отдыху в виде размышлений на фоне цветов.

Целепа Лорин Гаи дремала, покачиваясь в гамаке, а в короткие минуты пробуждения вспоминала, как Алистер делал ей предложение.

Он подарил ей два куста роз – золотой и серебряный, и лично посадил их в саду Лоринов. Эти кусты, которые назывались «Азафос» и «Сай» («Солнце» и «Луна») и по сей день росли там, как семейное достояние, единственные в своём роде. Реликвия, на которую эльфы приезжали смотреть даже из пустынного приграничья.

Из уголков глаз вдовы стекли две слезинки. Эльфы не плачут, но Алистер был достоин того, чтобы пролить по нему несколько капель влаги. Почти с завистью Целепа вспомнила, что Стокла легко источает слёзы и может делать это часами! Он не просто похож на человека, он даже горе выражает по человечески! Куда катится Мирозданье, если чистокровные потомки эльфов способны бурно рыдать, громко хохотать, или даже нагло лгать!

Издали пришёл звон «Гании». Он стал приближаться, передаваясь от цветка к цветку, и последняя орхидея прозвенела прямо под гамаком вдовы.

В сад пришёл гость.

Целепа осталась в прежней позе. Она даже не открыла глаза. Выражаясь грубыми словами людей (и Стоклы), ей было «посрать» на гостей, которых последнее время было на удивление много – вдову пытались утешать, но в итоге всё заканчивалось стонами: «Какой Алистер был хороший и талантливый, и какой Стокла бестолковый и никчёмный... и как теперь воевательница, а не садовница, Целепочка управится с таким огромным домом? Бедные деревья... бедный сад... ай-ай, ой-ой!».

— Целепа..., – громким шёпотом позвали её.

Молодая женщина резко открыла глаза. (Просто шёпот показался ей подозрительно знакомым!) Перед гамаком, но на значительном расстоянии от него стоял Ланца Зиги Элианту!

— Ты!! – Выкрикнула эльфийка, мгновенно пробуждаясь, наполняясь лютой злобой и приходя в тонус.

Одним длинным прыжком она оказалась рядом с полу-эльфом и схватила его двумя руками за шею. Зиги крепко зажмурил глаза и прохрипел. – Я рад...

— Чему ты рад, волосатый негодяй?!

— Твоему пробуждению от спячки... Прости меня..., – Ланца мужественно (но в корчах) терпел удушье. Он пришёл к выводу, что исправить разногласия, возникшие между ними после его необдуманного поцелуя, можно было только таким способом. То есть, позволить Целепочке отмутузить его, а самому попросить прощения и пообещать остаться в вечной «френд» зоне.

Целепа задумалась. И вправду – она только что спала и собиралась спать ещё с недельку, но стоило появиться осквернителю её губ, как неведомо откуда пришли силы для мести! Злобно кривясь, она разжала пальцы. Ланца, который к этому моменту уже основательно поси-
нел, рухнул на колени. (Собственно говоря, он изначально собирался вымалывать прощение на коленях и сто раз релетировал этот унижительный жест, переживая, что будет играть фальшиво, но {слава Мирозданью!} обстоятельства сложились таким образом, что всё произошло легко и естественно.)

— Землю ешь! – приказала Целепа.

Полукровка, хватая ртом воздух, послушно и торопливо закивал. Он и вправду наклонился вперёд и прижался лицом к прохладной земле. Затем сделал несколько скребущих движений зубами, и набрал полный рот почвы. Стал жевать и давиться. Земля мерзко скрипела на зубах.

Целепа наблюдала некоторое время, потом сменила гнев на милость: «Ладно... всё! Плюнь... плюнь...». Носком стопы она несильно толкнула его в плечо.

Тут Ланца воспротивился! Упираясь руками, он разогнулся. Поднял к хозяйке сада виноградную и печальную рожу и продолжил интенсивно жевать. По подбородку текли чёрные слюны, в углу рта торчал пучок травы. Весь его несчастный вид говорил о том, что он готов понести наказание в полной мере! Мученически закатывая глаза, полукровка сделал несколько могучих глотков горлом.

— Фу-у..., – дама брезгливо поджала губы.

Гость утёр рот и опять вернулся к прежней теме: «Прости меня...» – прозвучал его молящий стон.

Целепа сложила руки на талии, пробормотала: «Идиот...». Она повернулась к просителю спиной и направилась к своему гамаку. Ланца на коленях «пополз» следом. Он оценил ситуацию как долгожданное перемирие, но решил услышать подтверждение вслух. – Так ты простила? – Всхлипнул бедный влюблённый наёмник.

— Да, – ответила вдовушка. Она села в гамак и стала покачиваться в нём, как на качелях. Зиги занял позицию в метре напротив. Он опустил на икры и продолжил: «Выслушай меня... не дерись, хорошо?».

Молодая женщина кивнула.

— Я люблю тебя..., но готов быть просто другом. Поэтому не прогоняй. Отныне для тебя я очень верный и хороший друг... опора, защита, всё, что ты хочешь. Хочешь, найду колыбель?

Последний вопрос был приготовлен заранее, как отвлекающий манёвр и как аванс их предстоящей обновлённой дружбе. По широко открывшимся глазам хозяйки, полукровка понял, что попал в точку!

— Как?! – обрадованно спросила Целепочка.

— Спрошу у Стоклы, – коварно улыбнулся Ланца Зиги Элианту грязными от земли губами.

* * *

Стокла Кас Гаи был в Сай Ирджери. Он направлялся к дому старосты – отдать ему плоды своих шпионских трудов. То бишь хронику, украденную из комнаты Хо Шитао. С момента воровства прошло трое суток. За эти сутки Шитао появился в казарме только раз – сегодня утром. Доложил об окончании ареста и своей готовности приступить к непосредственным обязанностям, посмотрел график дежурств, искупался в общей душевой, позавтракал в столовке и опять куда-то слинял. Отсутствие хроники в своём столе не заметил. Так что совесть Стоклы была чиста!

Прокан Лу Фосса жил в самом центре «Луны», как и полагается главе. Дом старосты был на удивление прост – белая четырёхэтажная башня со стрельчатыми окнами и крышей из прозрачного прония. Ни лепнины, ни резьбы по камню. Единственным её украшением служили скромная керамическая мозаика по кругу основания башни и цветные витражи в окнах. В этом возрасте глава Сай Ирджери пришёл к выводу, что обладание ценным или прекрасным... не имеет никакого смысла. Тепло в доме и чистота, а так же удобное расположение комнат, по его мнению, были намного важнее его внешнего вида и дорогих предметов.

Впрочем, в архитектуре дома Прокана были соблюдены все эльфийские традиции, но без изысков и помпезности. На первом этаже принимали гостей, на втором находились жилые помещения домочадцев, третий этаж Фосса отдал под библиотеку, кабинет и собственную спальню, на четвёртом – под крышей он вырастил небольшой хвойный лес и даже заселил его некоторым количеством живности. Незначительные размеры башни могли обмануть только человеческие глаза. Внутри было много пространственных арок, способных расширить её внутреннюю площадь до тридцати гектар.

В холле Стоклу встретил старший сын Прокана – Плисар, который предупредил, что отца нет.

— А когда будет? – растерялся младший Гаи.

— Сложно сказать, – Плисар закрыл книгу, кою читал в кресле и устался на посетителя рассредоточенным взором. Плисар был очень умным эльфом, вполне способным заменить отца на поприще управления городом, но благодаря этому своему фирменному взгляду «в никуда» считался слегка э-э-э... недалёким. – Что у тебя? Я передам отцу.

«Мне нужен кто-то поумней...», – подумал Гаи, который был подвержен общему мнению о «недалёкости» старшего сына Прокана. Вслух он спросил. – Я могу подождать?

— Ступай в кабинет, – вежливо ответил хозяин, теряя к гостю интерес и возвращаясь к чтению. Между прочим, Плисар Лу Фосса знал о своей славе глупца, но, как все мудрые товарищи, не считал нужным опровергать сплетни.

Гаи отправился наверх – в кабинет старосты.

«Ну, не дурак?» – возмущённо подумал он про Плисара, открывая дверь кабинета и обнаруживая внутри ещё одного гостя в доме старосты – королевского врача Исию Сату Криста.

— Я прошу прощения, – заторопился он объясниться. – Плисар меня послал... и забыл предупредить, что вы здесь.

(А Плисар не забыл предупредить! Он просто, опять-таки, не счёл нужным! Был один гость, ожидающий папашу, стало два ... В чём проблема-то?)

— Заходи, – Исия махнул узкой ладонью с длинными пальцами. Очень робко Стокла Гаи протиснулся внутрь. Не каждый день сталкиваешься с великими и прекрасными (в отличие от него) собратьями.

Он остался стоять тут же у порога. Исия с откровенным любопытством разглядывал садовника. От его пронзительного взгляда маленький тёмный эльф переживал болезненные ощущения, кои были сродни мышечным судорогам.

— Совсем как человек, – без всякой деликатности, выдохнул врачеватель и добавил совсем уже неприятное. – Ты точно сын своего отца?

Покрасневший «шпион» понурил голову, словно это была его личная вина. Несколько минут они молчали. Один был очень известный целитель, другой ничтожный садовник. Один был светлый эльф, другой тёмный... один был в расцвете сил, другой ещё мальчишка... Общих тем – кот наплакал.

— Как у тебя дела? – неловко кашлянул Исия Сату Криста. – У меня младший брат возрастом почти такой же, ну может чуть старше.

— Да всё норм.

— Что Целепа?

— Норм.

— Ты говоришь на человеческом подростковом жаргоне, – с неудовольствием заметил Исия.

«А ты хитрожопый, желтоглазый старпёр...», – подумал Стокла.

Исия, словно ощутил его обидные мысли, и немножко насупил. – Какой магический предмет ты принёс? – Неприязненно спросил он.

Стокла изобразил удивление и помотал головой.

— Ах, да... ты же не чувствительный... Не понимаю – как такое возможно? Хорошо... тогда так: что ты принёс?

— Книгу, – буркнул Гаи.

— Дай, – золотоглазый и беловолосый эльф величественно выкинул руку в направлении юного садовника.

— Я старосте принёс, а не вам.

— Это я попросил Прокана дать тебе работу шпиона. Дабы ты имел возможность обрести себя на новом поприще... и, чтобы не помышлял о смерти!

— Откуда вы знаете, что я помышлял... о ней?

— Предположил. Дай!

Стокла в жесте защиты и сопротивления прижал обе руки к животу, где под курткой и ремнём «пряталась» хроника. Затем залез под одежду, поковырялся там и медленно вытащил книгу. Бочком подошел к врачу и аккуратно подал.

— Где ты её прятал? – решил уточнить Исия, осторожно принимая книгу двумя пальцами.

— В трусах, – с удовольствием доложил Гаи, и стал почёсываться. В глазах целителя промелькнула паника и Стокла с не меньшим удовольствием пожаловался. – Я в казармах совсем не купаюсь, чтобы не раскрыть свою безволосую сущность, ну вы понимаете.

Королевский врачеватель кивнул и «уронил» хронику на стол. Из небольшой, кубической сумки, которую он носил при себе постоянно, Исия достал салфетку и склянку. Он намочил салфетку жидкостью из склянки и стал протирать руки, обложку хроники и стол под ней.

В комнате воняло медицинским спиртом..., Гаи ядовито ухмылялся.

Завершив процесс, Исия осмотрел книгу со всех сторон, полистал и удовлетворённо кивнул. – Где ты её взял?

— Одолжил у Дебилтао.

Целитель поднял брови в немом вопросе.

— У нашего лейтенанта Хо. Я там на последней странице кое-что написал.

Исия Сату Криста, открыл последнюю страницу и пробежал глазами по списку, затем хлопком закрыл книгу. Сдержанное волнение заметно искажало его благородное лицо. Стокла улыбался. Врачеватель заметил и решил, что похвала будет уместна: «Ты молодец», – выдал эльф, – «Ступай, я сам передам хронике Прокану».

Садовник переминался с ноги на ногу. Он хотел дальнейших указаний. (По всем шпионским правилам так и должно быть.)

— Мне возвращаться, что ли? Или уже нет?

(Стокла имел в виду казарму.)

Исия кивнул. Поглощённый мыслями о книге, он не понял смысла вопроса и просто отсылал мальчишку из кабинета.

— Ну ладно... тогда до свидания.

— Всего хорошего.

Гаи вышел прочь. Спустился по лестнице и пересёк холл мимо Плисара, который сидел в той же позе. Казалось, старший сын Прокана даже и не заметил того, что один из двух гостей покинул дом. Стокла не стал прощаться и тем самым отвлекать хозяина от чтения.

Тут же во дворе Гаи нырнул в пространственную арку и, через мгновение, оказался у входных ворот Сай Ирджери. Прощальные слова Исии, он воспринял, как распоряжение вернуться обратно в казарму. Он и вправду был не очень чистым, и хотел нормально искупаться – в купальне с горячей водой и мылом, а не как в казарме – над тазиком величиной с блюдце, в котором плескалось две пригоршни дезинфицирующего средства, но на это уже не было времени.

* * *

Погружённый в мрачные думы, Рюй обедал. Перед ним на тарелке горкой лежали синтетические кусочки желе, которые изображали некий мясной продукт неясного происхождения.

Прошли сутки с половиной с тех пор, как он так славно обстригал дельце с похищением Нико и потерпел столь неожиданное сокрушение в лице Хо Шитао. Причём сам Шитао и пальцем не пошевелил, чтобы сокрушить Рюя – просто произошло удачное стечение обстоятельств, случайное пересечение дорог!

Состояние Рюйдзаки нельзя было назвать благодушным или позитивным, или тем более счастливым! Его скуластая, бледная рожа была перекошена от негативных эмоций и мыслей. Чёрные негодующие глаза подолгу застывали на одной точке. Он и сам в этот момент «зависал» с поднятыми палочками или открытым ртом.

С тех пор, как Хо Шитао появился на горизонте его жизни, у владельца этой жизни всё пошло наперекосяк! И почему одним удача даётся с самого рождения и легко, а другие должны в поте лица прокладывать дорогу к своим мечтам?! Да кто он такой этот нарушитель прекрасной жизни Рюя и его хорошо продуманных планов?! Всего лишь внебрачный сын аристократа. Бастард... ублюдок... Просто повезло родиться симпатичным... и с папашей повезло тож.

Время было около четырёх часов дня. Девяносто процентов Низины уже захватили сумерки. В этом жилом квартале только над домом Рюя ещё стоял тусклый столб света, который прорывался в треугольную прореху на пересечении трёх мостов.

Тецуй никогда не запирает ворота во двор. Среди местных не было храбреца способного заглянуть к нему в гости, так что ходили только свои... из банды.

Ровно в шестнадцать ноль-ноль дверь ограды с грохотом от пинка открылась, и с улицы внутрь вошёл... Хо Шитао. Оглядел двор. На заборе – общем с соседями слева, сидели сразу три толстых кота. С любопытством смотрели на гостя. Призывая к содействию, молодой человек подмигнул котикам левым глазом. Коты настороженно вытянули шеи.

Правее от центра двора стоял прозрачный прониевый куб с дверцей. Внутри рос небольшой куст неизвестной породы со всеми признаками чахлости. Вокруг куста вяло кололилась заморенная травка. Там же, внутри куба стоял старый облезлый стул.

Шитао покосился на скутер у стены и Тецуевский шлем на ручке, и неторопливо пошёл через двор. На минутку задержался у куста. Отметил, что Рюй, наверное, угрохал на проний целую кучу денег. Усмехнулся. Коты загадочно пялились на гостя пронзительными разноцветными глазами.

Тремя прыжками лейтенант поднялся на ступеньки, пнул дверь и вошёл внутрь.

Рюйдзаки сидел за столом с мечом поперёк столешницы и рукой на рукоятке. В такой позе он прибывал с момента громкого проникновения Шитао к нему во двор.

— Привет, – сказал ему лейтенант Хо и помахал рукой.

Тецуй скорбно вздохнул, убрал меч со стола и с лязгом вогнал его в ножны. Пробурчал вместо приветствия: «Я тебя не звал...».

— Я сам пришёл, поговорить надо.

— Не хочу.

— А тебя никто не спрашивает.

— Хочешь арестовать?

— Просто поболтаем! Как друзья! Расскажите мне, командир, как вы дошли до жизни такой и опустились до воровства несовершеннолетних детей?

— Ты знаешь этого мальчишку? – Тецуй с напускным равнодушием опять принялся за еду.

— Не имею чести, – лихо соврал Шитао.

— Он из семейки бродяг и сам бродяга... связался с бандой Амадеуса Хольке. Я вез его на допрос... В связи с нападением на Галя и Катори. Вот и всё!

Логика была настолько очевидной, что Шитао смешался. Через полминуты он пришёл в себя и напомнил. — Я кое-что слышал из твоего эротического монолога... Кажется, ты соби-рался поддержать этого мальчишку, пока его Высочество будет удовлетворять свою плотскую потребность... Как-то так...

Тецуй с досадой отвёл глаза. И на кой чёрт его разодрало вслух и громко раскрывать Нико перспективы его будущей развесёлой жизни!

— Я угрожал, ничего более. Я не собирался везти его к Хенрику. Это был способ морально подавить противника.

Лейтенант Хо подтянул ещё один стул и сел к столу напротив хозяина. Пододвинул к себе чашку Тецуя и забрал у него палочки. Его приход к Рюю был продиктован не мстью и не выяснением обстоятельств, а некой другой целью! В собственных интересах и в интересах Нико он решил простить Тецуя эту выходку с похищением.

«Он её не найдёт... я больше не позволю...», — думал Шитао. Вслух он сказал. — Есть хочу. Спасибо. Вкусно... сам готовил? М-м-м... вкусно!

Рюй откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и стал наблюдать, как Шитао уничтожает его законный синтетический обед, купленный в соседней продуктовой лавке. Он не собирался драться с сыном Тайбая. Это не имело никакого смысла. (Всё равно проиграет.) А потеря некоторого количества дешёвых продуктов — небольшая плата за то, чтобы ублюдок не стал разбираться в ситуации дальше.

— Что с ним стало? — ненавязчиво спросил Рюйдзаки.

— Я отвёз его к эльфам врачей. Он был какой-то ... не в тонусе.

— Которому из них? — равнодушным голосом настаивал Тецуй.

— Не помню, — Шитао постарался добавить в интонацию легкомысленности.

За столом установилась атмосфера фальшивого дружелюбия и доверия.

Тецуй облегчённо вздохнул. Скорее всего Хо не понял почему Нико был ... не в тонусе. Можно было предположить, что от врачей маленький Санчес вернулся к Амадеусу или заявился домой. Найти его будет легко. Надо будет послать Стива — понаблюдать за Касперо.

— Я поживу у тебя, — прочавкал Хо с набитым ртом.

Тецуй невольно выпрямился и прищурил глаза.

— А-а-а-а...

— В казарме шумно... Мы всё равно в одной тройке... Или ты возвращаешься к Хенрику?

— Н-нет ... (Рюй не собирался возвращаться к Хенрику без Нико.)

— Вот и славно.

— У меня одна кровать, — сделал Рюй безнадёжную попытку отказаться от совместного проживания.

— Да ладно не боись — не замаю, — Шитао через стол насмешливо посмотрел ему в глаза. Рюйдзаки понял — он не расплатится одним обедом. Хо собирался присматривать за ним некоторое время.

— Ладно, — сдался Тецуй.

— Тогда, ... перевезу вещички! — гость широко и лучезарно улыбался. Рюйдзаки стиснул челюсти. Кивнул. Прощедил сквозь зубы: Я оставлю дверь открытой... мне надо съездить во дворец.

* * *

Поскольку Тецуй дал разрешение на переезд к нему домой и даже пообещал оставить открытой дверь дома, Шитао с лёгким сердцем вернулся в казарму, где сообщил интенданту Бородину, что временно освобождает комнату и пошёл укладываться.

Вещей у него было немного. С самого начала «убегая» из родимого дома младший Хо прихватил с собой только необходимый минимум. То бишь, труселя, футболки, носки, пару спортивных кимоно, спортивную обувь и ... всё. Верхняя форменная одежда и обувь выдавались комендатурой. Прочие нужды вроде мыла и туалетной бумаги также обеспечивались за счёт казармы. Так что за два месяца непорочной службы Шитао не обзавёлся другими личными вещами, кроме уже вышеперечисленных.

Стоп... Обзавёлся! У него появилась хроника, которая содержала драгоценный рисунок дракона, отдалённо похожего на родного папашу. Иногда, в особо грустные минуты молодой человек доставал хронику и смотрел на изображение.

Шитао хлопнул себя по лбу (чуть не забыл!). Он выдвинул нужный ящик стола и задумчиво оглядел пустое дно. А дабы убедиться, что это не обман зрения, а низкая реальность, он опустил руку в ящик и пошарил пальцами по фанерке. Как и ожидалось, кроме микроскопических крошек ничего не нащупал!

Хо отряхнул пальцы, потрогал ухо, подумал с минутку, и стал выдвигать и осматривать все ящики стола. Всё что в них было, принадлежало казарме и имело инвентарный номер. Хроника не нашлась. Зато в уголке одного обнаружился его собственный носовой платок с горсткой золотого праха того самого эльфа, который помер у него на руках. Шитао достал его, подержал на ладони, потом сунул в карман. Посмертный «эльфийский узелок» навёл его на некоторые соображения!

Молодой человек вернулся к кровати, застегнул уложенную сумку с вещами, взялся за ручки и твёрдым шагом покинул комнату.

Он пересёк казарменный плац до ангара со скутерами, где нашёл свою машинку и пристегнул сумку на её багажнике. Вывел скутер к выездным воротам ангара. Затем вышел на плац и огляделся. Поскольку рабочий день ещё не закончился (хоть и подходил к концу) то где-то здесь неподалёку должен был тусоваться эльфийский шпион, а теперь и вор – Стокла!

Стокла к этому времени уже вернулся из Луны и действительно «работал», сортируя мусор за большими мусорными баками. Это был очень удобный наблюдательный пункт, в сторону которого никто никогда не смотрел! А никому не нравится любоваться на мусор!

Сортировкой мусора он «медленно» занимался уже некоторое время и видел передвижение Шитао с момента его возвращения, благо, что казарменный двор хорошо освещался. То есть, он видел, как Хо сбегал в офисный корпус к начальству, затем вернулся в свой корпус и через некоторое время вышел оттуда с большой спортивной сумкой в руках. Под нечёрсаными патлами чистокровного эльфа шёл напряжённый мыслительный труд, который можно было озвучить приблизительно так: «Дебилтао куда-то намылился почти на ночь глядя... насовсем... или надолго! Знать бы куда!».

Занятый столь важными мыслями, Гаи упустил момент, когда лейтенант Хо у ворот ангара оглядывал казарменные просторы. А Шитао в свою очередь углядел некое движение у баков и нырнул в проход между ангаром и строением, в котором размещались мастерские и прачечная. Он разумно решил подойти к эльфу с тылу. Так сказать незаметно для окружающих и самого эльфа!

За корпусами казарма освещалась уже не так замечательно и почти в полной темноте Хо по длинной окружности побрёл до нужной ему точки. По пути ему пришлось преодолеть несколько препятствий в виде старой кладки кирпичей, которая осталась про запас от строительства чего-то там, кучи щебёнки, выгребной ямы, куда сваливали перегнивать конский навоз из конюшен, и прочь, и прочь, и прочь. Можно сказать, что неожиданно для себя лейтенант Хо обнаружил множество укромных захоронок, которые хозяйственник Бородин пря-

тал на задворках комендатуры. Передвигаясь в потемках посреди этого полезного изобилия, Шитао несколько раз крепко, но в полголоса матюкнулся.

Наконец он добрался до мусорки и увидел Стоклу со спины. Эльф в свою очередь пристально смотрел на ворота ангара, в котором, как он думал – находился лейтенант Хо.

Очень тихо Шитао подкрался к «сироте» Гаи и заграбастал его за воротник сзади, одновременно накручивая ткань на кулак и сдавливая тканью горло эльфийского шпиона. Шкрябая ногами по земле, Стокла принудительно поволокся за охотником.

Оттащив эльфа подальше в темноту, Шитао положил его на землю и только после этого отпустил.

— Ну что опять? – несчастным голосом спросил пленник, слегка догадываясь о причине возмутительного поведения Дебилтао.

— Верни хронику, эльф, – прошипел Хо.

— Какую хронику? – притворно возмутился садовник.

— Ту, которую ты украл из моего стола.

Гаи хотел выкрикнуть: «Докажи, что я!», но вместо этого залился слезами и ответил. – Хронику! ХА!! Ты брата у меня украл!

— Какого брата? – в свою очередь удивился Хо.

— Того самого! На ярмарке!

В замешательстве Шитао присел на корточки и переспросил. – Тот черноволосый эльф твой брат?

Стокла кивнул и закрыл лицо руками. Из-под ладоней понеслись приглушённые стоны и всхлипы. Лейтенант Хо несколько раз горько вздохнул. Потом вспомнил про узелок в кармане. Он достал его, нащупал одну руку Стоклы и оттянул её на себя. Вкладывая узелок в мокрую мальчишескую ладонь, жалобно пробормотал. – Тогда это твоё...

— Что это? – слезливо переспросил Гаи.

— (Длинный вздох) Ну... я подобрал... (вздох) то, что осталось...от него..., пока ветер всё не сдул... вот.

Стокла стиснул узелочек и сел. С немым изумлением уставился на охотника. Шитао наоборот сгорбился и опустил голову, пробормотал. – Прости. Я не знал, что он так сделает. Чёрт с ней с хроникой... Забудем. Послушай – я уезжаю из казармы, буду жить в другом месте. Где не скажу – сам понимаешь. Так что, пацан, увольняйся и звездуй домой, пока твою эльфийскую сущность не обнаружил кто-нибудь ещё.

Лейтенант Хо похлопал Стоклу по плечу, поднялся в рост и побрёл в сторону столовки – надо было предупредить Дзюна о перемене места жительства. Стокла, до боли стискивая узелок в руке, смятенными очами тарачился ему в спину. Сердце юного эльфа заполняло новое странное чувство очень похожее на собачью тоску по хозяину.

Дзюн и ещё три работника кухни готовили овощи на завтра. Шитао помахал магу рукой и нырнул в бытовку, Мин Дзюн Со забежал следом буквально через минуту. На ходу он вытирал руки полотенцем.

— Что случилось?! – с порога возопил повар.

— Да ничего такого... Я переезжаю, – ответил Шитао. – А что?

— У меня странное чувство, – пожаловался Дзюн и плюхнулся на стул.

— Какое?

— Неотвратимости... непредвиденной неизбежности...

— М-да... Эльф спёр хронику.

— Нет не то.... Что?! Как спёр?! Когда?! ... Ладно... это не страшно, – повар махнул рукой.

— Уверен? У тебя на лице странное выражение обречённости, – Шитао сложил руки на груди и стал ходить туда-сюда, с беспокойством поглядывая на Дзюна.

— Они, несомненно, найдут листы, магически запечатанные в форзаце. Эльфы очень чувствительны к магии. Но вряд ли смогут их перевести! Так что повода для беспокойства нет. Пока нет, – уточнил маг. – Но всё равно как то беспокойно! Ладно. Что там с твоим переездом. Куда ты собрался?

— К Тещую... своему убийце.

— Это тот самый, которого ты давеча так нежно обнимал, будучи пьяным драконом?

Шитао начал краснеть. Полный смущения он открыл клетку с Тьян Су и вынул оттуда крысу. Дзюну тогда стоило больших трудов вырваться из создавшейся ситуации. Во первых он уговорил Шитао вернуться в нормальное человеческое состояние, во вторых уговорил Тещую, что тот спит и ему снится жуткий сон...

— Да ладно тебе! Всё же обошлось! – пробубнил молодой Хо.

— Забыл тебе сказать..., но кажется, ты и он завязаны магически, – маг постарался сообщить новость как можно более нейтрально, как-бы между прочим. Шитао всё равно обернулся и посмотрел на него пристальным взглядом. Дзюн смущённо потёр переносицу, отвёл глаза. Тьян Су, которая гуляла по плечам своего освободителя, громко пискнула. Вроде: «Ну, ты попал...».

— Объясни... – попросил лейтенант Хо.

— Трансформация человека в дракона – очень сильный магический ритуал, который проделал этот твой Рюй. И я подозреваю... то есть я не уверен, но вполне возможно, что отныне ты привязан к нему... как-то так.

Шитао действительно ощущал себя «привязанным» к Тещую. Он уже признал этот факт ещё тогда, когда на следующий день после своего убийства совсем не испытал к убийце чувства ненависти или злобы, или желания отомстить. Он даже простил ему выходку с похищением Нико! И это сильное желание иметь Рюйодзаки верным другом! Оказывается, они всего лишь привязаны магически!

— И ничего нельзя поделать? – потерянно спросил Шитао.

— Боюсь, что так.

С тяжким вздохом лейтенант Хо сел на спальную полку бытовки. Тьян Су спустилась к нему на колени и стала умываться. Маг сочувственно смотрел на воспитанника.

— Где живёт этот твой Рюй? – нарушил он тяжкое молчание. – Я должен знать.

— В Низине, недалеко отсюда. Улица «Косая». У Рюя единственный дом под небом. Во дворе растёт куст.

Опять помолчали.

— Почему ты захотел переехать?

— Мне надо приглядеть за ним. Он кое-что натворил. Чуть не украл кое-кого. И вот что, уж коли речь зашла про..., – Шитао замолчал. Он хотел сказать «...про Нико», но вспомнил, что Дзюн пока не информирован, о некоторых изменившихся обстоятельствах в его жизни.

— Короче, Дзюн! Я не буду искать эту... дракониху!

— Что..., – маг начал вставать со стула, пристально всматриваясь в лицо молодого человека.

— Я передумал... – Шитао отвёл глаза и стал смотреть в стену.

— Ты влюбился! – взвыл повар. – Это Элишия?!

— Не-ет! То есть, да..., тьфу! То есть, я наверное влюбился, но это точно не Элишия..., а кое кто другой! И я всё равно потерял твой список...

— Где? – спросил Дзюн, «падая» опять на стул и «хватаясь за сердце».

— Где то во дворце... во время ареста. Понимаешь, он лежал в нагрудном кармане, но потом меня раздели... опять..., а когда я оделся – это случилось через два дня, списка в кармане уже не было. Форму стирали..., может быть, постирали вместе со списком. Прости.

— Вот оно..., – прошептал Дзюн.

— Что оно?

— Неотвратимое...

Глава 2

Наказание

В это же время, когда Низина утонула в темноте, люди на холмах ещё любовались на солнечный закат, который был особенно хорош из окон дворцового комплекса.

Как раз этим Хенрик и занимался – сидел в кресле у себя в спальне и смотрел на закат. Он был одинок, замкнут, холоден и молчалив. В таком отрешённом состоянии его Высочество пребывал после того инцидента в кабинете у матушки, когда он позволил себе обозвать королеву публичной старухой. С одной стороны он всегда этого хотел, с другой ... последствия произошедшего были катастрофическими! Матушка приказала не пущать его пред свои светлые очи! Ещё он был принудительно осмотрен эльфом врачевателем, и каждые пять часов его насильственно пичкали порошками, настойками и отварами. А ещё Боска выпросила у Элишии разрешение не встречаться с женихом одну неделю – под предлогом сохранения его душевного равновесия! Сука!! А Клаус целыми днями пропадал в театре. Все его бросили!! Все! Даже Артур... хотя нет. Артура он отослал сам, не желая, чтобы поганец фиксировал его угнетённое состояние.

Что же делать? Что делать?? Как развеселить грустный организм и выйти из состояния ступора?

За спиной Хенрика тихонько приоткрылась дверь и дежурный лакей шёпотом доложил: «Вернулись Клаус Тигер из театра».

Не оборачиваясь, Хенрик стиснул челюсти и сжал пальцами подлокотники кресла. Он не мог сорваться и побежать к своему любовнику, поскольку от лекарств был не способен на резвость, а потому Хенрик просто кивнул – медленно. Да так и остался со склонённой на грудь головой.

Лакей, сдерживая дыхание, прикрыл дверь на место, но не плотно. Он оставил тоненькую щель и приник к ней вороватым глазом. Два дня назад её Величество обязала (под страхом смерти) весь обслуживающий персонал наблюдать за сыном денно и ночью! Каждую секунду! ... Ну, и докладывать, разумеется.

В такой позе лакей оставался минут десять. Хенрик продолжал неподвижно сидеть и вообще, казалось, спал. Где то в глубине апартаментов Клаус Тигер, пребывающий в отличном настроении, пел отрывки из оперетт. Его чистый, божественный голос вибрировал в коридорах и легко проникал через стены, заставляя «невидимых» слуг замирать с воздетыми к потолкам очами.

Хенрик тоже слышал, как поёт его фаворит и скрипел зубами. Как смеет раб быть таким счастливым, когда его господин несчастен и страдает! Надо бы пресечь... вот только как, чтобы не вызвать лишних разговоров об агрессии и буйности?

Тем временем в апартаменты пришёл тот, чьё длительное отсутствие и было причиной хорошего настроения Клауса Тигера.

Тецуй Рюйдзаки!

Рюй явился с докладом. Незамеченный, он прошагал по комнатам и коридорам, зачарованным пением Клауса и неторопливо добрёл до спальни своего повелителя, где перед её дверями обнаружил подглядывающего лакея!

Очень тихо телохранитель подкрался сзади и взял негодяя пальцами за волосы на затылке. Он повернул голову лакея к себе и заглянул в его, помертвевшие от ужаса глаза.

— Шпионим? – прошипел Рюй.

— Её Величество приказала, – пролепетал слуга.

— Что-то произошло?

— У его Высочества был нервный срыв..., он бросался на её Величество...

— Ага. Свободен. Проследи, чтобы к дверям никто не подходил, не то убью. Доложишься королеве – убью.

— Повинуюсь...

Тецуй отпустил соглядатая. Он и сам был расслаблен пением Тигера, а потому не стал сильно зверствовать. Рюйдзаки проследил как лакей «уползает» дальше по коридору, одобрительно покивал ему, зашёл внутрь комнаты и плотно прикрыл за собой дверь.

— Кто? – слабым голосом простонал Хенрик, сохраняя прежнюю позу.

— Я, мой принц, – откликнулся Рюйдзаки.

Хенрик оглянулся и выпрыгнул из кресла. Бегом (что стоило ему трудов) он пересёк комнату и бросился на грудь Тецую. (Очень неожиданно для последнего). Телохранитель даже растерялся! И растерялся ещё больше, когда обнаружил, что Хенрик... бурно рыдает! Смущённому Рюю пришлось обхватить его Высочество одной рукой. Другой он неловко похлопывал своего повелителя по плечу.

— Меня обижают! – захлёбываясь слезами, сообщил принц.

— Накажу любого... кроме королевы, – с готовностью отрапортовался телохранитель и повёл Хенрика назад – усаживать в кресло.

— По наущенью матушки, микстурами пичкают...

— Ужасно..., – качал головой Рюйдзаки.

— Она спит с Шитао...

— Какая скотина... я про молодого Хо!

— Она влюблена, представляешь? Показывала ему шкуру Закарии, но отрицает!

Рюй довёл Хенрика до кресла, заботливо усадил и подмигнул. – Убить его? Как насчёт попытки номер два?

Наследник утёр слёзы, закинул ногу на ногу и сцепил пальцы рук на колене верхней ноги. Он лихорадочно вздохнул, силясь вернуться в нормальное состояние, и отрицательно покачал головой.

— Нет?! – удивился Тецуй.

— Хочу увидеть его муки... корчи, стоны, мольбы о пощаде. Убить его будет слишком невинно!

— Вам нужна разрядка, – проницательно догадался Рюй.

— Это точно... не помешает. Что мой Нико?

Тут Рюйдзаки немного погрузнел.

— Чего молчишь?

— Вы готовы в таком состоянии слушать?

Хенрик кивнул.

— Ну, что-ж... тогда начну. Произошло неудачное стечение обстоятельств. Шитао перехватил меня, когда малыш Нико уже был в моих руках и даже на пути во дворец – поперёк седла. Я расписывал прелести его будущей жизни...

— Поперёк седла? – хрипло переспросил его Высочество.

— Да, животом вниз, – подтвердил Тецуй.

— Я возбуждён!

Рюй задрал брови. Неуверенно, извиняющим тоном продолжил. – Шитао забрал его... отвёз врачевателям ... так что Нико снова в бегах.

— Я очень возбуждён! – настаивал Хенрик, мозг которого, вследствие неожиданного возбуждения стал изыскивать способы оригинального ... э-э-э...удовлетворения, и в результате выдал идею: «Ты должен поймать Клауса! А я хочу посмотреть!».

(Хенрик вспомнил эротическую сцену за кулисами театра – с Алленом Лое и неизвестной актриской.)

Шокированный Рюй застыл минуты на две. Рассказывая о неудачном похищении малыша Санчеса, он ожидал «страшную» физическую расправу в виде пинка, или плевка, но ни как не предложение заняться любовью с Клаусом!

— Он всё равно почти твой. Я пообещал его тебе, – уговаривал Хенрик. – Он слишком счастливый последнее время. Слышишь, поёт, когда мне так плохо! Накажи его Тецуй, ты обещал. – Губы его Высочества задрожали, а голос опять приобрёл слезливую интонацию.

Рюйдзаки сообразил: в этом состоянии депрессии наследник был не способен нормально умственно функционировать пока не получит свою дозу чужой боли. А потому неудачное похищение плавно ушло на задний план, а на передний выступило немедленное удовлетворение жажды крови!

— Он ненавидит меня..., – напомнил Тецуй.

— Я знаю... Поэтому и прошу!

— Он станет сопротивляться, – намекнул Рюй на последствие ненависти Клауса к нему.

— Мы его свяжем! – Хенрик покрутил головой и ткнул пальцем вверх на небольшой свечной канделябр, который опускали и поднимали на цепи, которая в свою очередь была закреплена на шипованном ободе медного колеса под потолком. Другой – свободный конец цепи шёл через весь потолок к ещё одному колесу – на стыке потолка и стены, и затем спускался по вертикали до самого пола – в медную вазу. На стене, на высоте чуть менее полтора метра от пола имелось кольцо, через которое пропускалась цепь, и внутри которого она крепилась звеном за металлический крючок. Канделябр зажигали редко, только тогда, когда его Высочество желал создать романтическую обстановку. В остальное время он играл роль декоративного элемента в общем средневековом дизайне комнаты.

— Сними «люстру»! – потребовал принц. – Мы подвесим Тигера вместо неё!

В предвкушении наказания фаворита, он заметно приходил в хорошее расположение духа.

Телохранитель отошёл к стене, снял звено с крючка и стравил цепь, выбирая её из вазы. Канделябр опустился вниз, приблизительно на высоту, сидящего на полу человека. Затем Рюй опять закрепил звено в кольце, вернулся к канделябру и снял его с крюка.

— Нам нужна верёвка! – его Высочество захлопал в ладоши. Тецуй кивнул. Он вышел за дверь, щелчком подозвал давешнего лакея, который тусовался метрах в десяти дальше и приказал: «Пригласи Клауса в спальню. Его Высочество желает развеяться..., и верёвку принеси – метра два».

Слуга умчался выполнять распоряжение, которое совсем не вызвало у него удивления. Собственно говоря, для удовлетворения интимных нужд принца, Клаус Тигер и жил в апартаментах на всём готовом – в сытости и роскоши.

— Вы не расстроены, – заметил Рюй, возвращаясь назад и намекая, на собственный доклад о неудачном похищении Нико.

— Я расстроен, – опроверг Хенрик, весело поблёскивая глазками. – Просто не подаю виду. Спрячься пока.

— Хай! – Тецуй шагнул в сторону и после секундного замешательства встал за портьерой. Ровно через мгновение (штора ещё шевелилась) в спальню с верёвкой в руках забежал Клаус.

— Да мой, принц! – выкрикнул он, добегая до огромного королевского ложа и раскидываясь на нём в томной позе.

— Стой – стой, – притормозил его Хенрик.– Дай сюда верёвку и садись на ковёр под цепью.

Клаус приподнялся на локтях и только тут обнаружил изменения в интерьере. – Зачем? – неуверенно и с явным испугом в голосе спросил он.

— Поиграем в пленника и тюремщика. Тем более, что матушка подаёт мне отличный пример, – Голос Хенрика дрогнул. Клаус отвел глаза. Уже весь дворец был наслышан о королевском приключении в казематах. А также о том, что все прочие узники скоротечно загнулись и «помёрли» от таинственной кишечной заразы.

Очень медленно и с явной неохотой фаворит поднялся с кровати и подошёл к месту, где пустая цепь слегка покачивалась в воздухе. Поникший, словно висельник за минуту до казни, он сел на ковёр под ней.

— Отлично играешь, – одобрительно заметил наследник. С мерзкой улыбкой его Высочество встал над Тигером и протянул руку с открытой ладонью. Клаус вложил в неё верёвку.

— Подними руки, – приказал принц.

Артист сцепил руки в замок и с тяжким вздохом вознёс на высоту чуть выше головы. Хенрик кивнул, замотал ему запястья верёвкой, стянул узлом. Затем просунул верёвку в первое звено над крючком, завязал. Постоял, разглядывая Клауса сверху, и вернулся в кресло. Оттуда позвал. – Рюй, выходи.

С шорохом портьера отъехала вбок и явила глазам перепуганного Тигера проклятого Рюя. В красных лучах заката он и в самом деле выглядел окровавленным и зловещим. Клаус затряс цепью и заелозил по ковру, пытаясь встать.

Широким шагом мерзкий Тецуй направился прямо к нему.

— Мой повелитель, не надо, прошу вас! – воззвал Тигер, подозревая, что через мгновение произойдёт нечто очень страшное.

Рюй – очень бледный и очень каменный, опустился на колени перед фаворитом. С минуту они смотрели друг на друга. Тигер – с невыразимым ужасом, Рюйдзакки на первый взгляд непроницаемо, но там за этими «шторами» равнодушия бушевало адское пламя, ибо наконец, он мог трогать Тигера без опасения быть наказанным!

— Хенри-и-и-ик, – тонким и жалобным голосом воззвал Клаус, не отрывая глаз от телохранителя.

— Представь, что это я, – очень добрым голосом откликнулся принц из своего кресла. Он закинул ногу на ногу, облокотился и лёг щекой на тыльную сторону кисти.

— Сиди смирно, – глухо приказал Рюй и вынул меч из ножен.

— Ид-д-ди н-на хрен, – дрожащим голосом ответил фаворит.

Тецуй аккуратно ввёл меч ему под стик с левой стороны и одним движеньем разрезал изнутри шнуровку. Стик распался. Лейтенант неспешно отложил меч тут же на ковёр, через голову снял перевязь с пустыми ножнами и тоже отложил в сторону. Проделав всё вышеперечисленное, он приподнялся на коленях, напряжился и замер, покачиваясь, как кобра перед укусом.

Клаус лягнул его одной ногой, затем другой. Почти неуловимым броском Рюй по очереди поймал обе его конечности за щиколотки и дёрнул на себя. Теряя опору, фаворит повис на связанных руках. Тецуй (молниеносно) стянул с Клауса мягкие туфли, расстегнул ему ремень и в несколько рывков стащил с него штаны. После чего... расслабленно и даже нежно отпустил.

Вот уже некоторое время Хенрик стискивал и мял собственный член. Оба действующих лица на «сцене» перед ним, на фоне красного заката создавали иллюзию театра теней.

Рюй раздевался, причём полностью. Неторопливо, словно проводя ритуал, он снял мундир, стянул через голову эластичный, прониевый жилет и футболку, расстегнул свои собственные штаны и спустил их вниз. Клаус, в одночасье утерав волю к сопротивлению, «висел»

с запрокинутой головой. Рюй пододвинулся ближе, взял ноги Тигера за щиколотки, развёл их в стороны и поднял себе на плечи.

Цепь канделябра закачалась, как маятник. Запрокинутая голова Клауса качалась вместе с ней.

— Развяжи меня, – прохныкал фаворит. – Мне больно.

Одной рукой Тецуй, нашарил меч и, почти не глядя, полоснул им по верёвке. Освобождённый артист откинулся спиной на пол. Сверху, складывая его пополам, навалился Рюй. Ноги Клауса качались у него на плечах.

Спустя тринадцать часов после вышеописанного инцидента в доме лейтенанта Рюйодзаки молодой Хо продрал очи. Он заселился накануне вечером благо, что Тецуй, как и обещал, оставил двери дома открытыми.

По приезду Шитао побродил по комнатам – всего три штуки вместе с кухней, второй кровати действительно не нашёл, а спать на полу было в лом, а посему молодой человек расположился на спальном месте законного хозяина дома, пока последний отсутствовал!

Проснулся он без будильника согласно «внутренним часам». За окном стояла темень непроглядная, как и положено в Низине, но «часы» настаивали – пора вставать.

Шитао во мраке комнаты спустил ноги на пол, сел. Негромко спросил. – Рюй, ты дома?

Рюй не отозвался.

Молодой человек в труселях и футболке, почёсываясь, прогибаясь, и вообще, делая неспешные разминочные движения, вышел на крыльцо.

Рюйодзаки сидел на стуле, внутри прониевского куба у своего куста. Над его головой висел светоч. У Тецуя было странное выражение лица. В теории он смотрел на куст, а на практике в никуда. Хо сложил руки на груди и опёрся плечом на дверной наличник. Получается, что хозяин дома просидел здесь всю ночь? О чём он думал? Что стало причиной этого горькой мины? Что он опять натворил?

— Эй, Рюй!

Тецуй вздрогнул, качнулся на стуле и стукнулся «балдой» о прозрачную стену куба. Проний ответил гулким дрожанием от основания до вершины. Громко лязгнули ножны мечей.

— Стул сломаешь, – усмехнулся Лейтенант Хо.

Телохранитель Хенрика торопливо выбрался наружу и прикрыл за собой дверку. Не здороваясь, прошёл мимо Шитао в дом. Гость, посмеиваясь, двинулся следом.

— Если хочешь остаться здесь на некоторое время... – сделал Рюй ударение на словосочетание «некоторое время». – Найди себе кровать!

То есть ночью он приходил, смотрел на спящего Шитао, затем убрался под свой «помирающий» куст.

— Ладно, сегодня куплю... – Шитао наблюдал, как Тецуй снимает перевязь, стягивает с себя мундир и штаны и лезет на ложе, на то самое место, где пять минут назад лежал он сам.

— А завтракать? – намекнул Хо на необходимость взбодрить организм едой.

— Пошёл ты, – возмутился Рюй из-под одеяла.

Глава 3

Отличная идея.

Артур проснулся очень рано. В последнее время это вошло в досадную привычку. Не открывая глаз, он потянулся руками в стороны, и упёрся в посторонний объект: крупный, тёплый, мягкий, короче совсем, как человеческое тело. И это при том, что вчера он точно лёг спать один!

Стараясь выглядеть естественным, историк-информатор пошарил по объекту минуты две, потом открыл глаза. У него под боком лежал Клаус – растерзанный, лохматый и с потёками на скулах от чёрной туши для ресниц. Тигер был без штанов – в одной только длинной шёлковой рубашке, на которой явно не хватало пуговиц.

— Я не понял, – низким со сна голосом вслух озадачился Артур. – Клаус, ты кровати не попутал?

Фаворит резко открыл глаза и тут же без предисловий и объяснений стал давиться и корчиться в беззвучной истерике.

— Что, что, что? – Артур обхватил мальчишку руками и прижал его голову и плечи к своей грудной клетке. Несколько минут Клаус бился, как пойманная рыба в сети.

— Ну, всё... ну, всё... ну, всё..., – уговаривал Кэрроу, стискивая его изо всех сил и не давая делать слишком резких телодвижений, которые запросто могли перерасти в эпилептический припадок.

Тигер затих.

— Что случилось? – шёпотом спросил историк.

— Я был изнасилован.

С минуту Артур горько переваривал новость, затем проговорил: «Я знаю, что он сволочь. Обещаю распространить кличку для него, например, Хенрик-насильник... или что-то наподобие... В остальном я бессилён, прости».

— Это был не Хенрик! Это был Тецуй с разрешения Хенрика..., а принц смотрел, – Клаус начал всхлипывать и дрожать плечами. Футболка на груди Артура, там, где Тигер прижимался щекой, немедленно стала мокрой.

Историк-информатор до боли сжал челюсти и закрыл глаза. Всё что сейчас происходило – была его вина! Это он, поддавшись собственным интересам, позволил Хенрику провернуть операцию по превращению его в того, кем он является на данный момент. И как следствие – теперь некому сдерживать выходки наследника.

— Я виноват..., прости..., – Артур и сам корчился в безмолвных муках.

В другой части дворца, королева уже завтракала, и раннему завтраку поспособствовала ночная бессонница. Соответственно её Величество находилась в очень раздражительном и угнетённом состоянии, а также предавалась раздумьям. Благо, что было над чем поразмышлять.

Нежданно-негаданно в её комфортной жизни случился кризис. Она влюбилась, что поставило её в конфликтную позицию по отношению к наследнику престола. А объект любви без поводка и намордника (то есть без «начленика») вольно бегал по всему Птопаю и составлял списки девичьих имён. При том сама бумажка с именами, помимо содержимого, тревожила королеву и просто своим внешним видом! Почему? Что за напасть такая?

Элишия прихлёбывала кофе и рассматривала имена девиц.

Тут же в будуаре на почтительном расстоянии находились королевский секретарь, королевский врачеватель и королевская фрейлина. Все трое с беспокойством отслеживали малейшие нюансы настроения на лице своей повелительницы. Иногда Каценаги подмигивал Исии и делал незаметные кивки в сторону Элишии.

Эльф кашлянул и сделал один робкий (и маленький) шаг вперёд.

— Моя, королева...

— Злая я..., – предупредила Элишия мрачным голосом.

Очень осторожно врачеватель вернулся на прежнее место и спросил несчастным голосом. – Тогда, что вы от меня хотите?

— А ты утешь! Посочувствуй, мерзавец! Тяжела доля королевская на женских плечах!

— Утешить? – растерялся Исия и беспомощно оглянулся на Дзиро. Тот энергично закивал – мол, давай, утешай, эльфийская бестолочь.

— Э-э-э... В истории цивилизации Эльфенитов было несколько королей управляющих самостоятельно. Одна из них – Соль Ивенса Айри правила при обстоятельствах подобным вашим.

— Ну-как, ну-ка, – проявила Элишия интерес и подняла взгляд на целителя.

— Она овдовела очень юной, имея новорожденного сына, и мудро правила от его имени в качестве королевы-регентши почти до его совершеннолетия.

Её Величество откинулась на спинку кресла, скрестила под юбкой ноги, и наклонила голову к плечу. Исия, уже чуток осмелевший, продолжал окрепшим голосом. – Затем она влюбилась и вышла замуж вторично за одного из своих подданных. Её супруг был коронован, и на законных основаниях, сместил наследника. Таким образом, произошла мирная смена династий. Династия светлых эльфов Айри, которая правила два тысячелетия, была заменена на династию тёмных Лоринов, которые оставались у власти почти до самого эльфийского исхода с планеты «Земля». На сегодняшний день среди нас живёт боковая ветвь королевского рода Лор...

— Надо же..., – перебила Элишия. – Какую хорошую историю ты мне рассказал..., а главное вовремя! Этот её супруг... кем он был до брака?

— А-а-а... Лорины – потомственные воители. Если соотносить с ныне существующими военными чинами, то Ерсин Кер Лорин был где-то между лейтенантом и капитаном. Он командовал подразделением в тридцать эльфийских лучников.

Элишия сделала длинный глоток и первый раз благожелательно улыбнулась. – Лейтенантом, говоришь, – живенько откликнулась она.

— Да. Это был период начала войн между эльфами и людью...

— Ну, спасибо тебе! Подлечил, осушил слёзы, развеселил, рассказчик ты мой красноречивый... жалею десять золотых треуголов! Дзиро – запиши.

Секретарь зашуршал листами в своей секретарской книжце.

— Милая, – обратилась королева к фрейлине. – Проводи нашего эскулапа.

Девушка, кою звали Габриэль (из новеньких) сделала приглашающий жест и побежала к двери будуара. Исия поклонился, подхватил свой чемоданчик, который так и не открыл сегодня, и заторопился следом. На его лице застыло выражение беспокойства. С одной стороны он был рад, что отделался быстро и без потерь, с другой чуял – что-то произошло! Что-то, что требовало исследования и переоценки.

В комнате остались только королева и Дзиро Каценаги. Элишия вытащила бумажку со списком дев из-под блюдечка, скомкала её, и с силой запустила в своего секретаря.

— Учись студент! – проорала она.

Комок пролетел мимо, поскольку королева была не очень меткая, а Дзиро был с хорошей реакцией.

— За что? – взвыл Каценаги, отклоняясь и прикрываясь папкой. Понятно, что наилегчайший клочок бумаги не мог принести ему вреда, но ситуация требовала жалобных стонов.

— Это список девиц, который я просила тебя раздобыть, но в итоге пришлось утруждаться самой! – Элишия свирепо потрясла в воздухе пальцем.

Каценаги со старческим кряхтением наклонился за бумажкой. Подняв, разгладил её и перечитал имена. Лицом и взглядом он выражал вину и ужас от того, что её Величеству пришлось проделать эту непотребную и грязную работу.

— Ладно, не прикидывайся! Знаю я тебя..., – тон Элишии несколько смягчился. – Перепиши его, оригинал вернёшь! Найди их всех, кроме тех, что у нас уже имеются.

Под теми, кто уже имелся, Элишия имела в виду: Тарусу Шилле, Настьку Мороз фон Краффе и Мишру Равье, которая служила при дворце ночной уборщицей.

— Да, моя добрая королева...

— А вот не надо мне глазки строить! Ишь!

Тут же, стоя, секретарь принялся переписывать имена дев, демонстрируя услужливое рвение. Дверь за его спиной открылась – это вернулась Габриэль. Лицо фрейлины было несколько бледным и застывшим, то есть, наполненным ужасом.

— Что такое? – уловила Элишия перемену во внешности девушки.

— Его Высочество просят аудиенции, они в приёмной стоят изволят, настаивают на разговоре...

(После случая с Боской, Хенрика боялись все фрейлины дворца.)

— И не спится ему, – пробубнила королева.

Наследнику, взбодрённому вчерашним замечательным зрелищем, и вправду не спалось. Он получил дополнительную порцию энергии и пришёл мириться.

— И не надо такое лицо делать! – Прикрикнула её Величество в сторону девы. – Как будто на таракана наступила... прЫнц он всё-таки...

Габриэль постаралась придать своему лицу безмятежность.

— Ладно...пусти его... , – Элишия громко вздохнула.

— Мне остаться? – спросил Каценаги с явным беспокойством.

Её Величество покачала головой. – Это дела семейные... ступайте оба. Переписал?

Секретарь кивнул и с поклоном вернул список королеве на стол. Элишия сложила бумажку несколько раз, и засунула её себе за отворот широкого рукава пеньюара. Кивнула присутствующим. Оба в панике покинули место возможного сражения.

Через минуту на их место нарисовался грустный Хенрик. Пару минут мать и сын молчали, и мерились взглядами. Элишия смотрела с прищуром и оценкой, Сынок отвечал робко и даже застенчиво, мол, проштрафился, с кем не бывает, но теперь всё осознал и явился полизать материнские туфли.

— Ну, упырь малолетний, чего ты хочешь? – прервала молчание королева.

— Я, матушка, с извиненьями пришёл...

— Угу... ну, давай, извиняйся.

— Простите меня, я очень перед вами виноват.

— Усёк, значит.

— Да, – Хенрик понуро склонил голову.

— Не будешь больше буйствовать?!

— Нет. Отныне буду послушен вам.

— А кто я?

— Вы моя драгоценная мать.

— Не публичная старуха?

— Я так сказал?! – ужаснулся сынок и закрыл лицо руками. Через мгновение он заторопился объяснить. – Затмение нашло! Как есть затмение! Я был подавлен ревностью. Вы, моя матушка, стали уделять мне меньше внимания. Я был всеми брошен. Я жалок..., я ничтожен..., я червь ни на что не годный! Нет, более того! Аз есть плевок..., аз есть высерок...

— Ну, ну...хватит... высерок... Придумал же! Дарю своё высочайшее прощенье! Всё?

Хенрик, который весь процесс самоуничуженья, стоял с руками, прижатыми к лицу и тряс головой, несколько раз бурно всхлипнул. Затем оторвал руки и попросил. – Отзовите ваших врачей с их лекарствами. Я всё время сплю!

— А вот и нет!

— Матушка, у меня именины скоро...

— И что?

— Сделайте мне такой подарок.

Королева постучала пальцами по столу и уточнила. – Я тебя правильно поняла? В качестве подарка просишь перестать принимать лекарства?

— Да.

— Что ж... скромно и не обременительно... Так и быть! Дарю!

Хенрик сделал круг по будуару и встал у матери за стулом. Наклонившись, он чмокнул её в щёку. Элишия ощутила, как у него дрожали губы.

— Не стой за спиной! – потребовала королева. – У меня от тебя мурашки по коже, – Она передёрнула плечами, повернула голову и посмотрела на него снизу. Взгляд был подозрительный.

Хенрик, который, целуя мать в щёку, представлял, как сносит ей башку топором, загадочно мерцал глазами. Он спохватился и торопливо изобразил грустную благодарность во взоре.

— Спасибо, – прошептал он.

— Всё... ступай уже..., голова разболелась от тебя...

Понурый наследник покинул комнату. Сразу за дверями он обнаружил Дзиро Каценаги, фрейлину, и... четырёх человек охраны. Секретарь подсуетился и притащил к дверям дополнительных постовых, которые обычно стояли снаружи апартаментов. Наследник оглядел их всех по очереди и послал Габриэль воздушный поцелуй, хотя дева на его взгляд была серая и не интересная.

Как только Хенрик закрыл за собой дверь, Элишия отхлебнула остывший кофе и поморщилась. Она вспомнила странное выражение лица сыночка после его сыновьего поцелуя. Опять поморщилась.

Итак. Можно было подвести итоги. Король из Хенрика будет хитрый, расчётливый, и кровожадный. С его любовью к чужим страданиям, после коронации он и матушку родимую замучает до смерти. А как всё чудесно начиналось! Она собиралась вырастить хорошего мальчика, который, как почтительный и любящий отпрыск, принимал бы все её советы и рекомендации по управлению государством. Однако нынче он смеет орать на неё и обзывать публичной старухой!

И что же теперь делать?

У неё был ещё целый год до коронации! Она вполне успеет выйти замуж и короновать своего супруга! Тогда законодательно Хенрик отодвинется на неопределённое будущее, может быть навсегда... Она не старуха и вполне способна родить ещё одного сына, который по крови и станет законным наследником!

Не замечая того Элишия улыбалась.

Отличная идея – выйти замуж за Хо Шитао! С какой стороны не посмотри – этот молодой человек был само совершенство! Прекрасен внешне, отличный любовник, порядочен, воспитан, мастер меча, а самое главное – не знает как управлять государством! А значит, ему будет необходим опытный наставник, то бишь наставница... Она сохранит свою позицию надолго! Плюс, с его магическим талантом и её магическим ресурсом они будут идеальной королевской парой! Жалко, что Дзюн засунул голову в петлю. Из него бы получился отличный учитель магии для Шитао...

Вспомнив про Мин Дзюн Со, королева вдруг озарилась, достала список и торопливо развернула.

С самого начала почерк Шитао казался ей подозрительно знакомым. Например, вот эти две буквы: «р» и «к» совсем как у покойничка Дзюна... Так!

Ну да! Уж ей ли не знать почерк собственного мага, который просидел у неё в подвале почти двадцать лет! А сколько письменных заклинаний он написал для неё – и не перечесть!

Элишия раздула ноздри и стиснула руки в кулачки. Найдя причину своей тревоги, она... встревожилась ещё больше! Впервые её посетила мысль, что мерзавец Дзюн не засунул голову в петлю, а сбежал!

* * *

К десяти ноль-ноль, королевский театр шутов всё ещё был относительно пуст. В наличие имелись уборщик, бутафор с декоратором, и один менеджер – Аллен Лое, который всегда приходил чуть раньше своего опекаемого актёра. Этот товарищ самолично убирал гримёрку Клауса, проверял костюмы и наличие свежей воды.

Обычно Клаус прибегал ни свет, ни заря – одним из первых, но нынче что-то задерживался. Аллен уже всё переделал, повалялся в кресле Клауса, потом на его кушетке, чуть не заснул, и от скуки пошёл посмотреть, что делают декоратор с бутафором.

Первый ходил по сцене вокруг сервированного стола с искусственной едой и руководил действиями второго. Бутафор в свою очередь послушно передвигал столовые приборы туда-сюда. Уборщик вручную вошил натуральный паркет между зрительскими рядами. Его было слышно по едва уловимому мату, но не видно. Работать приходилось ползком в коленно-локтевой позе. Зрительские кресла иногда покачивались, а мат иногда звучал громче.

Кассий Эрлинг под маской Аллена Лое уже знал, что если он сядет на одно из кресел, то молниеносно огребёт порцию виртуозной ругани, поэтому остался стоять.

— Яблока нет... – неуверенно заметил бутафор. – Тут сбоку... жёлтенькое лежало... моё любимое, я его три дня делал!

— Кому нужно восковое яблоко, – усомнился декоратор.

— Я тебе говорю! Найду вора, сломаю ему пальцы! Я над этим яблоком три дня потел!

Тут уборщик «выразился» очень громко, ну просто оглушительно и от зрительских рядов в сторону сцены вылетело яблоко, вернее часть его.

Декоратор поймал фрукт и обескуражено осмотрел. Один бочок яблока был откушен. На восковом срезе имелись следы зубов.

— Вчера у режиссёра именины были, – сообщил декоратор печальному бутафору и передал покалеченный фрукт ему в руки.

— В следующий раз мышьяку в краску добавлю, – злобно пообещал тот.

Кассий поулыбался ситуации и вернулся в пустую гримёрку. Ровно через пять минут туда заглянул Исия Сату Криста, с подозреньем оглядел комнату и шёпотом спросил. – Вы один?

Кассий кивнул.

— Хорошо..., – Исия зашёл внутрь, плотно прикрыл за собой дверь и прошагал к будуарному столику. В руках у врачевателя был его любимый саквояж, больше похожий на кожаный кубик с чуть выпученными бочками.

— Я принёс вам кое-что, – сообщил Исия, устанавливая саквояж на столешницу и открывая его.

Из глубин сумки он достал хронику в зелёной обложке.

— Что это? – Кассий подошёл и встал рядом.

— Это..., книжица с секретом... даже с двумя! На последней странице мы найдём первый секрет, то бишь, список женских имён и трам-пам-пам... Клауса Тигера! Что подтверждает мои подозрения в отношении этого молодого человека. Все они сироты, уродённые в год змеи.

Кассий перечитал список имён и задумчиво спросил. – Почему женские имена? Значит «Лето» – девочка?

Исия кивнул и добавил: «Как оказалось Лето – это женское имя».

— Тогда Клаус как-то не вписывается...

— На самом деле вписывается, – врачеватель криво улыбнулся.

— Ну..., если хорошо подумать, – согласился Кассий.

— Я проверил, три девы из списка служат во дворце.

— Кто?

— Вот эти..., – Исия начал водить пальцем по списку. – Таруса Шилле – повариха. Мишра Равье – ночная уборщица, Анастасия Мороз Фон Краффе – компаньонка принцессы.

— Эта последняя... фон Краффе точно сиротка? Знал я одного фон Краффе..., служил при батюшке покойном.

— Её удочерили.

— Понял. А второй секрет?

Исия, как фокусник закрыл книгу, затем снова открыл – на первом форзаце, и сделал красивые пассы свободной рукой. На ладонь ему высыпались несколько исписанных страниц.

Кассий свистнул.

— Это настоящие записи первого владельца хроники – Ли Чжун Ки. Того самого, который был свидетелем гибели Закарии! – благоговейно прошептал эльф.

— На каком языке сделаны записи?

— Э-э-э... не знаю, – врачеватель казался по настоящему расстроенным.

— А что сказал Прокан?

— Э-э-э... видишь ли, эта хроника попала ко мне в обход нашего старосты. Так что он пока не в курсе. Я расскажу ему позже. При случае... да. А пока посмотри на девушек. На Тарусу, уборщицу и фон Краффе.

— Кстати, откуда ты взял хронику?

— Её выкрали у Хо Шитао

— Кто такой Хо Шитао и откуда он взял этот список?

— Лейтенант Хо – сын полковника Хо...

— Не знал, что у него есть сын, – удивился Кассий.

— Никто не знал, – с досадным вздохом ответил врачеватель. – Он бастард..., и полковник скрытничал..., я бы тоже помалкивал, будь у меня побочный отпрыск. Информация о нашем драконе к младшему Хо попала случайно..., что и подвигло его на поиск Лето. Скорее всего хочет повторить подвиг своего папаша.

Кассий защёлкал пальцами и словно невзначай обронил. – Тогда... насчёт этого Хо... уж коли он такой шустрый... вон даже списочек составил. Так может быть, имеет смысл его... немножко... похоронить?

Врачеватель прихватил сумку и направился к дверям, на ходу он ответил. – Может быть...

Шагая в клинику, Исия размышлял.

Убить Хо Шитао и впрямь было пора! Ибо он не просто связан (случайно) с драконом Лето, как утверждал Прокан на совете. Нет! Он знал смысл полученного предсказания! Более того шустрый (тут Кассий прав) лейтенант осведомлён о возрасте Лето, о её половой принадлежности, и о сиротстве девушки! Вывод? Лейтенант Хо занимается целенаправленными поисками дракона. То есть старик Прокан был не прав. И между прочим, Прокан Лу Фосса слишком старый. Сай Ирджери нужен новый, более решительный глава. Тот, который смог бы изменить ныне существующую плачевную ситуацию!

Была ещё одна причина убрать ушлого лейтенанта. Согласно, дворцовым сплетням и слухам, этот молодой человек очень интересовал королеву, которая не давеча, как сегодня утром слушала рассказ врачевателя о смене эльфийских царствующих династий! И странно реагировала! Что очень подозрительно! Уж не собралась ли она замуж – за этого самого Хо Шитао!

Не то что бы Исия был против замужества Элишии, просто последующая коронация супруга перечёркивала права наследного принца на трон... Нет не Хенрика, а законного наследного принца – Кассия Эрлинга Сонтана! Эльфийского воспитанника и будущего благодетеля эльфов, коим он был обязан не только кровом и пропитанием, а самой жизнью!

Глава 4

Свобода

Сегодня Клаус не пошёл в театр. Он остался в комнате Артура, поскольку считал её самым безопасным местом в апартаментах. Кэрроу сбежал в комнату фаворита, где раздобыл ему другую рубашку и штаны. Путём хитрых переговоров со служанкой был получен завтрак непосредственно в постель Клаусу. Путём ещё более хитрых переговоров Артур заставил Клауса этот завтрак съесть. Откушав, Тигер опять улёгся и накинул на себя одеялко. Историк-информатор, как заботливая мамаша, сидел рядом, наглаживая мальчишку по голове, и через пять минут обнаружил, что Клаус заснул. Кэрроу переместился за стол – писать.

Только-только он взял в руки перо, как в дверь постучали и лакей доложил, что его желают видеть её Величество королева Элишия Эрлинг Прекр-р-р-расная!

Артур переоделся, постоял над Клаусом, который не проснулся ни от стука, ни от воплей лакея, и со вздохом покинул комнату.

В своём кабинете Элишия отдала ему документ с приказом, согласно которому, молодой Кэрроу освобождался от обязанности личного историка-информатора принца до коронации его Высочества. То есть теоретически на год с небольшим, а в перспективе – навсегда!

Наверное, он здорово переменился в лице.

Её Величество понимающе кивнула и спросила. – Рад?

Молодой человек, переполненный эмоциями совершенного счастья, склонился в глубочайшем пояском поклоне да так и остался в этой позе. На королевский паркет шлёпнулись две слезы.

— Ну-ну..., – королева отвернулась. Подождала, пока Кэрроу придёт в себя. Распорядилась великодушно.– Отдохни недельки две... Когда вернёшься, поговорим о будущих перспективах...

— Почему? – задыхаясь, спросил Артур, принимая, наконец вертикальное положение, но со склонённой головой.

— Хочу мир заключить с батюшкой твоим. Скажи старику Уильяму: пусть зла не держит. И чаще заглядывает ко двору.

(Уильям действительно был обижен на королеву за сына, что выражалось в меньшем количестве поступающей информации из цехов, главой которых он являлся.)

— Тогда снимите с меня присягу...

— А вот не наглей! Когда-нибудь, может быть.

— Почему не сейчас?

— Ступай, не сердь меня, – Элишия потемнела глазами. Артур вторично поклонился и покинул кабинет, пока королева и впрямь не осерчала, и не отобрала приказ.

Молодой человек вернулся в апартаменты Хенрика, где оставил две записки, одну для Клауса – у себя на столе, другую для принца на его столе в кабинете. В этой последней излагалось текущее положение дел, и совет: обратиться к матушке за разъяснениями, если таковые вдруг возникнут.

Через полчаса счастливый и свободный (почти свободный) он ехал на Фоке в сторону от дворцового комплекса.

— Слишком быстро, – сообщил Фока хозяину.

— Молчать! – весело гаркнул Артур.

Скутер заткнулся.

— Вниз, – приказал молодой человек скутеру.

— А отца с матерью навестить? – проворчал Фока.

— Тебя то не касаемо! Всею своё время, – ответил Артур. Он ехал к Касперо – увидеть Нико!

Касперо исчез. От него остались вмятины от колёс и всё. Минут десять Артур боролся с противоречивыми чувствами облегчения и разочарования: он не увидит Нико..., но и Хенрик не увидит её тоже!

У колонки тусовалась троица «уродов». Уже некоторое время они оценивающе посматривали на прилично одетого молодца на скутере.

— Опасно..., – шепнул Фока. Артур счёл нужным снять шлем и продемонстрировать уродам белобрысую аристократическую шевелюру.

От троицы отделился один товарищ и вразвалочку направился в его сторону. Подойдя, он кивнул и проговорил. – Ежели водички испить желаете, то за денежку...

— Спасибо нет... воды не желаю.... желаю информацию. Продадите?

— Ну... Чего надо?

— Здесь у колонки была такая длинная фигня на колёсах. Называлась «Касперо». Вопрос. Куда эта фигня подевалась?

Парень с готовностью протянул руку ладонью вверх. Артур положил на загребушую цапалку три серебряных кругляша. Данщик жадно поморгал и ответил. – Дык в пустыню ука-тили.

Для убедительности он махнул рукой в сторону предполагаемого исчезновения Касперо.

— Когда? – задал Артур ещё вопрос и опять обнаружил у своего лица раскрытую грязную ладонь. Кэрроу отвёл голову чуть назад, со вздохом заплатил.

— Дык, два дня назад.

— Понятно. Спасибо.

— Больше ничего узнать не желаете? – парниша от жадности исходил слюнями. Артур, глядя в его глаза голодающей и злой собаки испытал приступ брезгливости. Он отрицательно покачал головой и оформил мысленный приказ: «Поехали... потихоньку... домой...».

Фока выдал негромкое урчание заведённого мотора. Собеседник Кэрроу сделал торопливый шаг в сторону. Скутер тронулся: сначала вперёд, потом по кругу – назад на дорогу, по которой он прикатил.

Тем временем на противоположном краю Птопая благополучно здоровая и целая Нико Санчес пробуждалась ото сна.

Как уже говорилось, частная жизнь Санчесов, в том числе и подъём, были не регламентированы. Каждый из них вставал, когда хотел. Сегодня Нико проснулась позже всех. И матушка с отче, и братья уже поднялись и даже нашли себе занятия. Клауди готовила завтрак и заодно развлекала мужа беседой. Их негромкие голоса доносились едва слышно, но различимо. Кто-то из младших Санчесов гремел ногами по трапу. Лео из тамбура вопрошал: «Мы сегодня в город идём или как?»

— Дождёмся молодого Хо, – ответил ему голос Пауло снаружи...

— Когда?! – проорала Нико из спальни и села, скидывая одеяло. Она хотела спросить: когда именно лейтенант заглянет в гости, но вовремя остановилась на одном слове.

Занавеска, отделяющая тамбур от спальни, отъехала вбок и обнаружила сразу двух Санчесов – Лео и Алехандро. Оба демонстрировали весёлое удивление.

— И чего вопим? – спросил Алехандро.

Несколько секунд дева хмурила брови и смотрела исподлобья, потом она откинулась на спину и накрылась одеялом. Взбрыкнула маленькая босая нога.

— Что это было? – повернулся один брат к другому. С трапа поднялся и просунул голову в проём Паулито, Клауди Санчес вышла из кухни. За её спиной маячил Антонио. Семья переглядывалась и недоумённо взирала на неподвижный одеяльный ком.

— Нико, ты встаёшь? – ласковым голосом окликнул «ком» Клауди. Из-под одеяла донёсся громкий храп.

— Не встаёт, – прокомментировал Антонио и через секунду громко сообщил. – Шитао идёт!

«Ком» подпрыгнул, развернулся и явил взлохмаченную голову, и широко раскрытые синие глаза под чёрными вихрами.

— Пошутил, – усмехнулся старший брат. Санчесы улыбались, с трудом сдерживая смех.

— Идите вы... завтракать! – завывала Ника наподобие сирены.

Алехандро показал пикиньо язык и задёрнул занавеску.

Окраины холма Колена со стороны пустыни, в полной мере принимали солнечные лучи. Мостов здесь не было. Через отсутствующую крышу цеха и иллюминаторы внутрь самолёта попадали столбы света. В них серыми ворсинками и крупинками красиво планировала пыль.

Нико полусонно щурила глаза. Слушала голоса сродственников, приглушённые двумя занавесками. Санчесы, посмеиваясь, ушли в рубку завтракать – то есть туда, куда их послали.

Последние полтора суток мысли Нико были заняты в основном (не трудно догадаться) бравым лейтенантом Хо. Она с непривычным замираньем сердца вспоминала все его слова, жесты и так далее, с момента, когда он её целовал... нет раньше... С момента, когда он сказал: «Дай сюда!» и перенёс её на своё седло с седла Рюйдзаки... Нет ещё раньше с момента первой встречи, когда он сказал ей: «Иди гулять, малыш...».

Нико опять завернулась в одеяло, выставив наружу с одной стороны нос, с другой – ногу в пижамной штанине. Прекрасный лейтенант Хо в её голове то хмурил брови, то щурил глаза – в зависимости от воспоминаний. Она опять начала придрёмывать.

А виновник её переживаний поднимался по трапу Касперо. Пришёл он совершенно незамеченным, потому как на подходе к месту стоянки самолёта, дорога не позволяла ехать на скутере, и соответственно, Шитао заглушил мотор, слез с машинки и катил его, шагая рядом, и придерживая за руль. Скутер он оставил перед цехом, к Касперо подошёл со стороны хвостовой части.

В тамбуре Шитао остановился и с досадой упёр руки в бока. Он уже внутри, а Санчесы – ни сном, ни духом! Эдак любой заявится скрытно... и возьмёт чего или КОГО пожелает!

Из-за занавеси слева раздавались голоса семьи. Лейтенант, сам не понял почему, отодвинул вбок правую занавеску. Заглянул внутрь, оглядел спаленку и наткнулся взглядом на одинокое, всеми брошенное «тело». Торчащая нога, была немедля со слюнявым умилением опознана, как принадлежащая Нико Санчес.

Лейтенант Хо зашёл в спальню и сел на край полки рядом с ногой. После пятиминутного любования конечностью, он осторожно взялся рукой за тонкую лодыжку. Погладил большим пальцем пятку. Нога в его руке дёрнулась, пальчики поджались к внутренней стороне ступни. Шитао усмехнулся и чуть надавливая, провёл рукой по ступне от пятки к пальцам, разжимая их и забирая в горсть.

— Отвали, – глухим шёпотом прогундосила Нико из-под одеяла. Она в свою очередь тоже опознала самоуверенное и наглое лейтенантское прикосновение. В стыке между складками одеяла засверкал сердитый синий глаз.

— Привет, – рука молодого человека пошла назад к пятке, оттуда на лодыжку и дальше к икре ноги, насколько позволяла пижама.

Нико вытянула ногу из его захвата и села. По расслабленному лицу молодца легко определила, что тот через мгновенье полезет с поцелуями и объятьями, и выставила к его носу кулак. Крикнула. – Ма-а-ам! У нас гость!

Шитао с разочарованной рожей вскочил, метнулся вправо, влево... замер, отдёрнул мундир и поправил меч на перевязи, вытянулся как на плацу перед старшими по званию. По шуму из рубки можно было легко определить, что вся семья с топотом дружно несётся посмотреть на гостя. Нико злорадно ухмылялась, Шитао возмущённо сверкал на предательницу чёрными очами.

* * *

Усадьба Кэрроу встретила Артура привычной тишиной. После дворца с его шумом и гамом, «Окаменевший склон» казался островом одичалой уединённости и покоя. Ничего не изменилось ... Отец, скорее всего, был в архиве, матушка на кухне с поваром... слуги под сенью чрезмерно добрых хозяев предавались приятному предобеденному расслаблению. На всей территории усадьбы от самых ворот не было видно ни одного человека.

Молодой Кэрроу смущённо прогнал непрошенную слезу.

На малых оборотах скутер доехал до родимого ангара. Оттуда историк-информатор неторопливо дошёл до дома пешком. Каждую минуту он глубоко втягивал носом знакомые ароматы прекрасного сада, а глазами выхватывал знакомые образы великолепных деревьев.

Любимая корейская сосна по центру внутреннего двора, сияла зелёным пронзительно ярким пятном на фоне нарочито замшелых и мрачных стен с облицовкой из вишнёвой плитки.

— Крас-с-ота-а... – протянул молодой человек.

Холл был пуст. Артур не стал громко оповещать о своём прибытии. С довольной улыбкой он оглядел зал и ... заметил некоторые изменения, которые всё-таки произошли за время его отсутствия.

У большого готического окна стояли: стол и стул, чуждые привычному интерьеру. Доселе, сколько помнил Артур, они стояли у матушки в её кабинете, где она занималась домашней бухгалтерией.

Удивлённый молодец подошёл полюбопытствовать и обнаружил на столе хронику из хорошей бумаги и письменные принадлежности. Почерк был ему знаком. Что то наподобие он видел в хронике Ли Чжун Ки.

Молодой человек опёрся на столешницу и перевернул несколько исписанных страниц. С нарастающим изумлением он читал: ... Её тело было солёным от проступившего и высохшего пота...

(То есть, невымытым, – подумал Артур.)

... Оно пахло как эльфийская орхидея «Рассо»...

(«Рассо» воняет так, что мухи слетаются... то есть, невытая дама воняла какама... Охренеть!)

... Я губами собирал его горечь и соль, и спазмы страсти наполняли моё собственное тело, так что я бился в агонии ...

(ТЬФУ!)

Артур разогнулся и вздрогнул, обнаружив у стола скорбную незнакомую личность с обличающей маской на постной роже.

— Здравствуйте, – прошептал Артур.

— С кем имею честь-с-с-сть? – спросила незнакомая личность.

Артур потёр лоб пальцами и спросил в свою очередь. – А вы кто?

— Я новый дворецкий.

— Да? Не знал... А старый где? Я сын хозяина дома...

— Угу... Артур Кэрроу надо полагать, – Личность пожевала губами и через минуту изобразила поверхностный поклон, выражающий скорее пренебрежение, чем почтение. Новый дворецкий прошелестел – Моё имя: Роберто Пиано.

Артур пригляделся к нему внимательнее. Отметил, что у господина Пиано не было четырёх пальцев на левой кисти. Вместо них торчал обычный прониевый протез-имитатор. От живой плоти его отличали синюшная бледность и неподвижность.

— Гхм... А я вот ... увидел странную хронику... заглянул в полглаза...

— Это не хроника, – дворецкий наполнился негодованием. – Это роман!

— Да-а?! – воистину удивился молодой Кэрроу.

— Причём мой!

— В смысле ваш, потому что вы его купили?

— Мой, потому что я его пишу!

— А-а-а... здорово... эротика... круто... Стиль несколько высокопарен... И вы знаете... Рассо не пахнет, а воняет. Это очень красивая орхидея, но её не держат в домах по причине жуткой вони... Рассо выращивают на задворках, для отвлечения мух от стратегически важных жилых точек...

— Что!? – Пиано, страшно оскорблённый, пучил глаза. – Вор вздумал меня учить!

— Кто вор? Я-а?!

— Зачем вы читали мой роман? Собирались украсть сюжет?!

— Я-а?! – теперь уже Артур, с рукой прижатой к сердцу, возмущённо пялился на дворецкого. – Простите! Я не пишу романы, а соответственно, не заинтересован в сюжетах!

— Все так говорят! Сын от отца недалеко ушёл, – громогласно вещал Роберто.

— Что?!?! На батюшку клеветите?

— А спросите батюшку сами! – с ехидством уверенно отпарировал Пиано.

Артур вдруг ощутил себя на грани сердечного приступа. Весь вид нового дворецкого выражал оскорблённую правоту. С обиженной рожей Пиано одной рукой схватил своё незаконченное творение, захлопнул книгу и, хромя пошёл прочь. Молодой человек ошарашенным столбом остался стоять на месте. – «Калека...» – прошептал он, имея в виду не руку и ногу своего собеседника, а ... его голову, то есть, внутреннее содержимое головы.

Историк-информатор очень захотел сесть, чтобы переждать душевную бурю. Нельзя было появляться в таком состоянии перед родителями. Это грозило осквернением радостных минут встречи.

Он дошёл до одного из кресел холла и с размаху упал на его подушки. С ужасом подумал, что возможно Пиано говорит правду и батюшка действительно повинен в чём-то эдаком. Иначе, зачем отцу нанимать однорукого и хромого на должность дворецкого, а матушке выделять ему персональные стул и стол для работы над дурацким романом. Тем более что нынче батюшка развлекается описанием дворцовой жизни в подозрительно свободном литературном стиле.

Издали пришёл звук торопливых каблучков. Артур стал вслушиваться, пока не определил – хозяйка каблучков идёт сюда. А в доме только одна женщина носила каблучки – Констанция Кэрроу! Причём не из желания выглядеть хорошо, а... по доброте душевной. Дабы слуги, предупреждённые её шагами, не дали застать себя в бездейственном состоянии. Иначе придётся их наказать! А Констанция не любила наказывать!

Вот и Артур оказался предупреждён. Он торопливо встал, стёр горечь и раздражение с лица, и натянул приветственную улыбку.

Констанция Кэрроу, как всегда невероятно безупречная, вошла в холл и всплеснула руками: «Сын...», – прошептала она. Артур подошёл, обнял её и склонился лицом в тёплое плечо. Женщина немедленно напряглась телом в стремлении удержать драгоценное чадо, кое было выше её на целых полторы головы, расслабленное от избытка чувств.

— Я в отпуске... – всхлипнув, сообщил Артур.

— Мальчик мой... ты тощий... Тебя морили голодом? – спросила Констанция, истово наглаживая дитяtko по блондинистой голове.

По дрожанию материнского голоса Артур понял, что она готова расплакаться. Сын торопливо утёр щёку, поднял голову и бодро сообщил. – Я здоров, похудел от трудов праведных. Откормишь?

— О, Мирозданье! Немедленно на кухню! Я позову отца. Пообедаем чуть раньше!

глава 5

Первая жертва

Поздний вечер. Королевские кухни опустели всего полчаса назад. Из персонала остались только три человека – посудомойщик, уборщик и... Таруса Шиле. Посудомойщик вяло драил последнюю плиту, уборщик сортировал отходы, девушка готовила на завтра необходимые овощи. Все работали в несколько замедленном ритме. И причиной тому была не усталость, а стремление более интересного характера – и уборщику и посудомойщику нравилась повара. И на данный момент каждый из парней желал закончить работу один позже другого, дабы остаться с Тарусой наедине. Сама девушка заняла выжидательную позицию. Она не выделяла ни одного из них и просто наблюдала за конкурентами.

Посудомойщик вот уже минут пятнадцать тёр пятно, а уборщик критически рассматривал (тоже минут пятнадцать) грязный и порванный капустный лист, решая глобальную проблему – куда его отправить? В корзину, предназначенную для королевских свиней, или в кастрюлю, из которой кормили мелкие дворцовые чины? Лист был настоящий – живой, а не синтетический, а потому всё ещё достаточно ценный.

— Оставь, – негромко окликнула его Шиле.

Уборщика звали Роро Майю.

— Оставь его, Роро. Я помою его и обдам кипятком.

Майю усиленно закивал и кинул лист в кастрюлю, уже заполненную наполовину нечто подобным. Стрельнул глазами вбок – на посудомойщика. Тот всё ещё боролся с пятном. Непреклонная его рожа выражала упрямую решительность пересидеть соперника!

Шиле хихикнула. По личному опыту она знала, что эти двое будут находить себе бесконечное занятие и в итоге всё закончится как всегда. Либо Таруса уйдёт первой, либо они подерутся, вцепятся друг в друга, и в таком сцепленном состоянии вместе покинут помещение кухни.

— Эй, Ури, долго ещё? – окликнул Роро посудомойщика. – Сотрёшь эмаль и тогда Мишель подвесит тебя на фартуке!

Мишель Эже был управляющий дворцовыми кухнями.

— Смотри не ошибись с отходами! – «отразил атаку» Ури Джин. – Перепутать людей со свиньями карается двумя ударами кнута! Помнишь?

Роро поморщился. Время от времени с ним происходило подобное несчастье. Иногда управляющему свиарником казалось, что присланные отходы ещё годны для употребления в пищу ... людьми, и он писал докладные записки полные негодования. За что бедный Майю и подвергался порке.

Таруса посмеивалась. Стать мадам уборщицей или посудомойщицей не входило в её планы. При этом в силу привычки – иметь стратегический запас молодых людей, дева держала обоих претендентов на коротком поводке. Поводок состоял из улыбок, ободряющих взглядов и намёков, что когда-нибудь, возможно она созреет для любви к одному из них. При том Таруса умудрялась ничего не обещать и не давала повода для близких отношений. Она была девушка умная, а ребята были хоть и низкорослые, но крепкие и всегда готовые на безвозмездной основе перетащить тяжёлую кастрюлю или мешок с картошкой. Так почему бы и нет?

— Эй, Роро! Ты когда мылся в последний раз? – ехидным голосом осведомился Ури Джин.

Пикировка продолжалась. В силу профессии Роро Майю пахивал гнильцой, а купаться каждый день было слишком большой роскошью. Всё что он мог себе позволить – это мероприятия по обтирке тела влажной тряпкой с дезинфицирующим средством.

В ответ на вопрос, движения Роро стали более резкими. Что не говори, а этот чёртов Джин сумел обогнать несчастного уборщика по карьерной лестнице! Работа посудомойщиком была намного чище и лучше во всех отношениях... Стоп! Не во всех! У Роро имелось одно важное преимущество! ... Он был сыт! Отходы, в отличие от свежих продуктов, не поддавались учёту, и среди них частенько попадались блюда недоеденные... самой Элишией! Вот и получилось, что самый последний уборщик Государства Перемен ел со стола её Величества! Ох, спасибо другу Джину, что в попытке ткнуть мордой в недостатки, он напомнил ему о достоинствах!

— Сияешь? – пригляделся к сопернику Ури. От удивления он даже забыл про пятно на эмали.

— Таруса, иди сюда, – подмигивая как опытный заговорщик, позвал Роро.

Шиле послушно двинулась в его направлении. Она всегда демонстрировала послушание, это было выгодно.

Сбоку от уборщика стояла небольшая керамическая кастрюлька с крышкой. Когда девушка подошла и встала рядом, молодой человек приподнял крышку и продемонстрировал ей несколько неплохих кусков мяса с едва заметными следами надкушенности и пожёванности.

Таруса прекрасно знала их ценность. Да ей в жизни не купить такую еду на своё крохотное жалование. Это мясо можно было аккуратно обрезать и вторично подержать в кипящей воде минут пятнадцать... если ты брезглив! Ну а если нет, то можно и так... просто подогреть! Отличное мясо приготовленное сегодня в обед к королевскому столу. Элишия почему-то не стала есть, и эти мерзавки фрейлины не стали доедать! Конечно – зачем аристократкам употреблять королевские объедки, если они и так неплохо питаются!

Шиле присела на корточки над кастрюлькой.

— Поужинаем вместе? – взволнованным шёпотом предложил Роро.

Повариха поморщилась – от Майю ощутимо несло помойкой. Стойкий запах дезинфекции не мог перебить вонь мусорной кислоты.

— Если искупаешься и сменишь одежду!

— Я искупаюсь... – закивал Роро, сильно ошарашенный согласием своей недостижимой пассии.

— Тогда заканчивай быстрее, а я избавлюсь от Джина..., – прошептала Таруса.

— Хор-р-рошо... – после нескольких секунд ступора руки Майю замелькали с невероятной скоростью. Таруса поднялась в рост и громко сообщила, обращаясь к посудомойщику. – Голова разболелась... домывай шибче! Мне надо кухню закрывать!

* * *

Опосля Санчесов Шитао приехал во дворец тренировать эскорт и по окончании был препровождён к своей владычице, согласно прежней схеме. Элишия встретила его благоухающая и в прозрачной тунике, что по её мнению, гарантировало его безудержное желание. От порога спальни она напористо повлекла его к ложу, словно муравей полудохлую гусеницу. И довлекла аж до матраса, и даже уложила поверх него.

Станным образом лейтенант безудержного желания не проявлял. Затем сказал и совсем досадное. – Поскольку я здесь на безвозмездной основе, а не работаю за зарплату..., давай сегодня просто поговорим.

— Тогда перейдём на рабочий режим. Что ты хочешь в качестве оплаты? (Мысленно Элишия потирала руки)

— Нет-нет. Нет! ... Я не это хотел сказать! Я не хочу оплату и не хочу рабочий режим. С него хрен соскочишь.

«С этим не поспоришь!» – опять же мысленно согласилась королева.

Шитао сел, отодвинулся подальше и пояснил. – Я доволен безвозмездной основой наших отношений поскольку безвозмездность создаёт возможность для ... для... побега.

— Какого побега? – удивилась королева.

— Моего побега.

— Куда ты собрался?

— Ну, для начала за порог этой двери.

— Ничего не поняла.

Шитао издал бурный вздох и предложил. – Расстанемся, моя королева...

— Зачем?

— Затем, что сия любовная связь тяготит меня... отягощает... тяжесть на сердце и на душе...и везде... вот.

Тут до Элишии дошло. – Так ты бросаешь меня? – удивилась она несказанно, что выразилось частым и бурным подъёмом грудной клетки и открытым ртом.

— Конечно, нет! Как бы я посмел бросать Ваше Величество! – возмутился молодой человек, одновременно переходя на этикетную форму обращения. – Я вас не бросаю, а оставляю..., – последнее слово лейтенант Хо прошептал.

— Разве это не одно и тоже! – взвизгнула королева.

Шитао слез с матраса и сделал несколько шагов назад. Очень мягко и миролюбиво он пояснил – При броске от паденья могут произойти телесные повреждения...

— Ах, ты мерзавец! Выкрутился! Дурачком прикидываешься? А ну иди сюда! – Элишия, путаясь в складках своего прозрачного одеяния, попыталась слезть с кровати.

Лейтенант Хо засунул руки в карманы кардигана, втянул голову в плечи и нежно проговорил. – Так я пошёл? – он мотнул головой в сторону выхода, развернулся и на полусогнутых направился к дверям.

— Куда собрался?! А ну стоять!

По звуку Шитао определил, что королеве удалось «распутаться», слезть с ложа, и теперь она стремительно неслась за ним вся в облаке из чёрного шифона. Со сто процентной уверенностью можно было сказать, что она догонит его раньше, чем он доберётся до выхода. Не раздумывая, лейтенант повернул вправо, и тоже помчался по комнате – вокруг ложа. Оглядываясь на королеву и оценивая расстояние между ними, Шитао с короткими взрывами хохота выкрикивал. – Моя королева, не торопитесь..., вы упадёте! Вы убьётесь!

— Ах, ты гад! Стой на месте... повелеваю, мерзавец! Фух... Негодяй.

В приёмной перед дверями спальни стоял Дзиро Каценаги. Профессиональный долг не позволял ему уйти в объятия Морфея раньше её Величества. Рядом с секретарём переминалась с ноги на ногу фрейлина Наталья Жук. Наташа приступила к дежурству всего десять минут назад и была не в курсе последних происходящих событий.

— Кто это шумит? – тихонько спросила она у секретаря.

Дзиро погрузился в раздумья – сказать или не сказать? В любом случае девушка увидит посетителя, когда тот выйдет от королевы.

— Лейтенант Хо, – буркнул секретарь. У Натали округлились глаза. Она уже была наслышана о новом королевском любовнике, но ещё ни разу его не видела.

— И что они там делают?

— Догадайся, – с сарказмом ответил Дзиро.

Наташа пришла во фрейлины в период, когда сей молодой человек оказывал стойкое сопротивление королевскому вождельню и уже после его перемены места службы из телохранителей в патрульные. Тогда в штат фрейлин быстренько набрали дурнушек, дабы не раздражать её Величество. Теперь, когда Шитао «отдался», дурнушки многократно выросли в цене. Элишия требовала их дежурства в периоды свиданий королевы и молодого человека. На фоне

молодых, но страшеньких фрейлин, красота зрелой Элишии сверкала, как брильянт на фоне кирпичей.

В дверь изнутри бухнули со всей силы. Каценаги и Натали одновременно вздрогнули и посмотрели друг на друга очень, очень большими глазами.

— Может зайти? – прошептала девушка.

— Не будем вмешиваться... – ответил мудрый секретарь и потёр «старые раны» на носу.

В спальне любовники накручивали круги. Королева быстро устала и значительно замедлилась. Шитао соответственно тоже сбавил темп. Теперь он просто шёл быстрым шагом и спиной вперёд. Несколько минут назад её Величество поняла, что ей не по силам догнать строптивца и она сменила тактику. Теперь каждый раз, пробегая мимо стола, королева хватала какой-нибудь предмет и швыряла им в лейтенанта. Шитао опять же с хохотом уклонялся, пригибался или подпрыгивал. В противовес броскам, тон королевы был неожиданно миролюбивым. Стараясь добавить в голос максимально ласковых нот, Элишия уговаривала. – Что за глупость ты придумал? И так неожиданно... прямо как снег на голову... почему без подготовки – постепенно, как ты любишь. Сначала один раз поцеловал, потом два раза поцеловал, потом три раза поцеловал, – мстительно припомнила королева попытку Шитао неспешно влиться в процесс отношений.

Возмущённый и оскорблённый Хо с негодованьем взвыл. – На вас не угодишь! Опять не так! Сами же научили действовать стремительным броском! Вы уж определитесь – чего вам надо!

Элишия всплеснула руками и предложила: «Сядем и спокойно поговорим!». Она кивнула на кровать, коя как раз была между ними.

— Я ограничен во времени, – отверг притязания обиженный лейтенант. Они продолжали двигаться по кругу.

— Как раз сегодня я собиралась предложить тебе нечто очень ценное...

— Что же это? – проявил Хо искренний интерес (он подумал про шкуру Закарии).

— Корону!

— Как?!

— Поженимся, и я сделаю тебя королём! – думая, что выдвинула окончательный, убойный аргумент, Элишия торжествующе и величественно улыбнулась. Она даже остановилась и упёрла руки в бока.

Шитао тоже остановился и ответил: «Да не хочу я!». Он чуть не добавил: «Я и так дракон, на кой мне твоя корона!».

— Нет? – пришла Элишия в состояние удивлённого шока.

— Нет. – ответил Хо и пожал плечами.

— Тогда чего ты хочешь? – пролепетала её Величество.

Мысленно Шитао попросил: «Папашу отдайте...», – но вслух ответил: «... Свободы...», – что тоже было правдой.

— Шлюху завёл? – догадалась королева и бросилась на своего любовника со сжатыми кулачками.

Лейтенант немедленно пустился в «бега». Гонка по кругу продолжилась в прежнем темпе.

— Признавайся! – визжала Элишия: «Как её зовут? Кто эта потаскуха за медяк?! Да я тебя в цепи закую, а шлюху твою отправлю в публичный дом для бедных!!».

Злость на неведомую девку (скорее всего из списка) придала ей дополнительные силы и королева неожиданно ускорила. Этим неожиданным броском она почти догнала свою цель. Хо «весело напуганный», повернулся спиной к ней и двумя широкими шагами по матрасу перескочил на другую сторону ложа. Непроизвольно Элишия полезла следом. Пока королева путалась в одеяниях, простынях и перинах, Шитао добежал до двери нашарил дверную ручку,

повернул, толкнул дверь и выскользнул прочь – на желанную свободу. Следом за ним в приёмную прорвались: королевский визг и подушка! Каценаги ловко поймал её одной рукой! Одновременно Шитао захлопнул дверь и прижался к ней спиной.

Прямо напротив него стояла незнакомая фрейлина. Чуть левее Дзиро на вытянутой руке двумя пальцами за уголок держал подушку. За их спинами на столе приёмной стоял приготовленный поднос с едой для пополнения затраченных калорий. С сожалением Шитао отметил, что королевский ужин сегодня ему не светит, потому как ... не заработал!

— Фу! Бросьте её, бросьте! – потребовал Хо (просто так). Дзиро с испугом отбросил подушку, как будто это был обгадившийся скунс. Шитао хохотнул и подмигнул покрасневшей девушке. Дверь, которую лейтенант подпирает, затряслась под натиском её Величества.

— Открой, мерзавец!! – завопила Элишия с той стороны. – Четвертую! Предам кастрации!!

— О-опаньки, это она про вас, господин секретарь!

— Что-о-о...?

— Слышали? Четвертует и кастрирует. Что вы натворили?

— Что-о-о...?

— Помогайте, помогайте...

Дзиро испуганно навалился на дверь.

— И вы тоже, прекрасная дева, – Шитао взял девушку за руку и с лукавой улыбкой втянул фрейлину в преступный процесс по удержанию её Величества. Сам он отпрыгнул в сторону – к подносу, где откусил рыбный пирожок и запил одним большим глотком холодного морса. Засим подхватил с подноса яблоко, с хрустом кусанул и помахал обоим невольным стражникам рукой. – Ну, я пошёл..., – прочавкал лейтенант.

— О Мирозданье, – простонал Каценаги.

Фрейлина смотрела на королевского фаворита во все глаза. Щёки её розовели, очи сверкали неистовым блеском.

С яблоком в руке Шитао вышел из приёмной и был таков.

— Она меня убьёт... и тебя тоже, – сделал Каценаги неутешительное заключение, ощущая спиной толчки и рывки.

— Ах, он такой красивый, – прошепестела дева, погружённая в нахлынувшие переживания, и совсем не думая о последствиях своего преступления.

* * *

Времени – одиннадцатый час. Таруса Шиле в помещении огромной королевской кухни осталась совсем одна. Некоторое время назад она не без труда выставила посудомойщика и уборщика за дверь и осталась дожидаться возвращения последнего. Роро, надо полагать, убежал купаться и переодеваться, дабы не портить своей вонью торжественность уединённого ужина.

В ожидании вкушения чудесной трапезы, Таруса грела на плите мясо и гарнир к нему. Гарнир тоже классифицировался как объедки, но бывшую уютскую деву это не смущало. Пусть аристократы брезгливо кривят носы, а людям, познавшим голод, это не пристало!

Было темно. Ряды столов и плит уходили в обе стороны от поварахи. Одинокая лампочка светила только над работающей электроплитой. На сковородке шкварчало порезанное на ломти мясо. Аромат свинины вкрадчиво заполнял пространство.

«Если как следует помыть Роро и причесать...», – думала девушка. «...Он будет симпатичным. Во всяком случае, получше кое-кого из поваров и управляющего».

Стукнула дверь.

«... Роро вернулся. Слишком быстро. Наверное, мылся небрежно!» – девушка наморщила хорошенький носик. Она ждала звука радостных шагов бегущего Майю, но с удивлением отметила тишину. Кто-то вошёл и передвигался очень тихо...

Таруса подняла голову и стала всматриваться в проход между столами. Ближе к ней было сумеречно, поблёскивала боками металлическая и керамическая посуда на стенах. Дальше всё тонуло в темноте.

Кто-то явно шёл. Несколько раз раздался вкрадчивый шлепок ступни в мягкой обуви о керамический пол кухни.

Дрожащей рукой Таруса накрыла сковородку крышкой и отошла от плиты, чтобы звук разогреваемого мяса не мешал ей слушать пространство. Она встала на границе сумерек и света, с напряжением вглядываясь и вслушиваясь. Позвала шёпотом. – Роро... это ты? Майю... Майю...

Лучшим лекарством от страха было просто включить свет по всей кухне... Но, во первых выключатель был метрах в десяти – по ходу навстречу неизвестному гостю, а во вторых счётчик непременно регистрирует скачок электропотребления и тогда управляющий будет задавать вопросы. А допрашивать он мог очень мерзко...

Таруса увидела... это был не Роро. Она взвизгнула и побежала от незнакомца в обратную сторону – мимо единственного источника освещения в темноту и глубину кухни. Пришелец скачками помчался за ней. На освещённом пятачке перед плитой мелькнули по очереди два силуэта – Тарусы и через мгновенье высокого молодца с волосами чуть ниже плеч.

С гулким эхом раздавался звук погони, затем прозвучал истошный женский вопль, резко оборвавшийся, и грохот падающей посуды. Затем возник глухой стук, похожий на барабанный. И наконец, шорох, как будто возили тряпкой по кафелю. То ноги Тарусы сначала стучали, потом скребли по полу.

Минут через двадцать незнакомец вернулся, задержался у плиты и открыл крышку. Вилкой наколот один из кусков. Мясо уже начало подгорать. Он подул на горячий ломоть и засунул его себе в рот. С удовольствием прожевал, сглотнул и удовлетворённо кивнул головой. Выключил плиту и взял со сковородки ещё мясо. Откусывая небольшими кусками, побрёл к выходу. Опять стукнула дверь.

Через пять минут в кухню с топотом заявился счастливый Роро Майю. Едва войдя, он завопил. – Таруса, я помылся!

Ему отозвалось только эхо: ...ылся... ылся... ылся...

Мёртвая Таруса лежала у дальней стены между двумя столами – с полотенцем на шее.

* * *

После бегства Шитао из королевской спальни случился переполох! Элишия вырвалась на свободу! Произошло это минут через десять после того, как мерзавец Хо помахал рукой её фрейлине и её секретарю и слинял из приёмной. То есть целых десять минут Каценаги и Наташа держали оборону под дверью королевской опочивальни, пока Дзиро наконец не сообразил, что дальнейшее пленение её Величества можно инкриминировать, как взятие заложника и удержание его насильственным способом!

— На счёт три отходим от двери! – прошептал Каценаги. – И дальше ты громко плачешь и подтверждаешь каждое моё слово! Поняла?

Натали испуганно кивнула. Гипноз, вызванный животным магнетизмом лейтенанта Хо, немного отпустил и дева стала осознавать последствия.

Дзиро взял фрейлину за локоток и начал отсчёт: «Раз... два... ТРИ!»

Вдвоём они отскочили от двери. Та с треском распахнулась и в приёмную вывалилась королева. Взлохмаченная и красная от физических усилий, в прозрачной, чёрной тунике, пере-

крутившейся у неё на поясе. Оба её верноподданных немедленно опустили головы и стали разглядывать мраморные плитки пола.

— Где этот негодяй!!!!!!

Оглушённый воплем, Дзиро, не поднимая очей, рухнул на колени. Натали бухнулась рядом и зарыдала в голос.

— Прекрати выть!!!

Фрейлина послушно заткнулась, покосилась на секретаря, тот с укором сделал большие глаза, мол, рано начала!

— Отвечать на вопрос!!!!

— Ушёл, моя королева! А перед тем злобными угрозами принудил меня и эту несчастную деву держать дверь!

Наташа опять начала всхлипывать (уже значительно тише) и кивать головой, мол, так всё и было!

— Боясь за свою жизни и зная ваше великодушие, и всепрощение мы несколько ничтожных минут были вынуждены не выпускать Вас из спальни!

Каценаги уже понял, что Шитао стремительно терял милость королевы и потому бессовестно всё валил на лейтенанта. Для последнего одной виной больше, одной меньше – теперь не имело значения.

— Ах, злодей! – прошипела её Величество,

— Да, моя королева, он злодей! – с готовностью подтвердил секретарь.

— Это ты! Ты злодей! – завизжала Элишия. – Должен был держать его, а держал меня!

Её Величество подскочила к секретарю и вцепилась ему в волосы. Фрейлина шарахнулась вбок и, путаясь в складках платья, поползла к дверям приёмной. Долг был прежде всего! А в первых обязанностях фрейлины – сохранить лицо королевы любой ценой!

Выбравшись из приёмной, Наташа села на полу и схватилась руками за голову. Стража стояла с двух сторон у дверей приёмной и ещё одна пара дальше по коридору через десять метров. Обеспокоенные глаза охраны пристально смотрели на деву.

— Всем оставаться на местах..., – задыхаясь, приказала Жук. – Её Величество наказывает нерадивого слугу...

Из приёмной неслись крики Элишии и визг бедного Каценаги.

«Хорошо, что больше никого нет...», – с облегчением подумала девушка и почти сразу обнаружила фигуру, коя на полусогнутых ногах и небрежно одетая (видимо, только что подняли с постели) поспешно приближалась к приёмной. Это был придворный чиновник из секретариата. В правой руке товарищ держал записульку.

— Нельзя, нельзя, – замахала фрейлина руками. Перекрывая чиновнику дорогу, она поднялась и раскинула руки крестом. Страшно было представить, чтобы кто-то ещё увидел Элишию в столь непотребном виде, избивающей собственного секретаря!

— Убийство... – прошептал придворный и сунул в руки девушке докладную, из которой явствовало, что некоторое время назад имело место удушение поварихи из персонала кухни по имени Таруса Шиле...

Часом позже Элишия Эрлинг со свитой, состоящей из четырёх человек охраны, одной фрейлины и одного королевского секретаря (облепленного пластырями), лично спустилась в подвалы кухни.

Обычно она это не делала.

Время от времени во дворце случались смерти. Умирала прислуга – от старости, или от болезни или по причине несчастного случая, умирали придворные. Были и убийства. Дела расследовались – виновные наказывались (иногда), но никогда её Величество не присутствовала на месте преступления.

Сегодня королева сделала исключение! Убитая была в списке Шитао и Элишия хорошо запомнила это имя! А потому она сочла нужным лично посмотреть на покойницу и на место, где дева обрела свою кончину.

Кухня была хорошо освещена. Присутствовали: управляющий кухнями – Мишель Эже и главный повар – оба с лицемерной скорбью на лицах, и несколько чиновников из дворцовой полицайки, занимающихся подобными делами.

Элишия с брезгливой миной разглядывала убиенную. Повариха лежала между двумя разделочными столами в окружении упавшей со столов посуды. Голова Тарусы была склонена набок, кончик языка прикушен.

— Её изнасиловали? – спросила королева, разглядывая, смятые юбки убитой.

— Нет, – торопливо ответил один из полицейских чинов.

— Ты кто?

— Следователь дворцовой полицейской комендатуры. Пятый ранг. Капитан Маха Лянски.

— Что из этих двух твоё имя? – уточнила Элишия.

— Маха... я, – смущённо ответил капитан.

— Хорошо. Подозреваемый есть?

— Преступник пойман! – с готовностью доложил Маха.

— Вот как?! – благосклонно удивилась королева подобной оперативности. – Желая расспросить мерзавца! – немедленно потребовала она.

Мерзавца в наручниках тут же приволокли из кладовки. Выглядел он удручающе жалко. Худосочный и невысокий, в сильно поношенной одежде. От него пахло дешёвым мылом и дезинфицирующим средством.

— Имя? – качнула Элишия подбородком снизу вверх.

Пять минут «мерзавец» хлопал носом и трясся в сдавленных рыданиях. Потеряв терпенье, Мишель Эже ответил за преступника: «Это наш уборщик... прохвост Роро Майю».

— Почему ты её задушил?

Роро никогда не видел королеву. Он даже не знал, кто перед ним стоит. Элишия, наспех одетая и причёсанная, без украшений и косметики, смотрелась совсем не по-королевски.

Конечно Роро был не виноват! Вся его вина заключалась в том, что обнаружив свою ненаглядную Тарусу задушенной, он поднял крик, на который и сбежались его обвинители.

— Отвечай её Величеству! – рявкнул капитан Лянски.

Глаза Майю стали круглыми от удивления. Оказывается, перед ним стояла сама королева, та – благодаря чьей милости, он время от времени ел настоящее мясо! Вершительница судеб... государыня! Через секунду шока Роро кинулся Элишии под ноги, вцепился скованными руками в край её юбки и истошно завопил. – Это не я! Не я... не я!!

В свою очередь охрана Элишии в несколько рук вцепились в преступника в тщетной попытке оттащить наглеца от своей повелительницы. Юбка Элишии натянулась и повлекла королеву по скользкому кафельному полу вслед за Роро.

— О Мирозданье!! – фальцетом выкрикнула королева.

Фрейлина Натали обхватила её Величество за талию, а Каценаги обхватил фрейлину за ту же часть тела. (Не мог же он королеву за талию хватать!)

Роро безостановочно орал: «Не я... не я... не я...». Следователь Маха с лязгом вынул меч из ножен и рубанул им по натянутому шёлку юбки.

Вж-жик!

Часть юбки осталась в руках уносимого уборщика, а Элишия оказалась с голыми по колена ногами.

— Да что ж за вечер такой! – заголосила Наталья. – Ужас просто!

Присутствующие торопливо и непочтительно повернулись к королеве спинами. Мишель Эже кинулся за фартуками, которые носили повара в процессе работы. Он вернулся через несколько минут и, прикрывая глаза рукой, подал фрейлине целую их охапку. Жук схватила верхний и повязала его Элишии, прикрывая дыру спереди.

— Велю расследовать тщательно! – распорядилась государыня, сильно впечатлённая крайне эмоциональным протестом обвиняемого. – Может и не он... , – уже тише добавила она, приглаживая рукой волосы и обмахиваясь.

Глава 6

Семейный обед

— Артур, ты здесь?

Вопрос был риторический. Конечно, он был здесь! Где-же быть историку-информатору, пребывающему в отпуске, как не в родимом архиве – самом большом в Государстве Перемен!

Издали пришёл искажённый отклик. – Да, бать...

Уильям пошёл на голос. В правой руке он тащил поднос со вкустоями, в левой – тёплую безрукавку. И то и другое ему навязала Констанция. По мнению жены, мальчик нуждался в усиленном питании и тепле.

— Где ты, сын?

— Хроники Лоуренса... – уточнил Артур место своего нахождения.

— Ага, – сам себе пробормотал Уильям и повернул в направлении стеллажей с хрониками Лоуренса Кэрроу.

Лоуренс Кэрроу жил триста лет тому назад. Он был одним из самых талантливых и плодовитых хроникёров. Сей товарищ не занимал высокой должности и был вторым сыном, а потому мог себе позволить путешествовать (пешком!). Что он и проделывал почти всю свою жизнь. В процессе путешествий Лоуренс вёл дневники, которые и легли в основу его удивительных хроник. Вся жизнь Лоуренса с момента принятия им присяги и до самого последнего вздоха стояла на шести(!) стеллажах архива рода Кэрроу.

Артур обнаружился сидящим на нижней ступеньки стремянки. Над его головой висел светоч, на коленях он держал раскрытую хронику. Круф лежал на левой ступне молодого хозяина, а правой Артур чесал ему шею. При виде Уильяма пёс заворчал. Мол, явился – нарушил идиллию!

— Замёрз? – спросил отец.

— Да так..., – Артур улыбался.

Уильям поставил на соседний табурет поднос и накрыл плечи сына безрукавкой. Пробормотал неловко. – Вот... мать прислала... переживает...

Через руку сына он заглянул в хронику и обнаружил гравюру, нарисованную самим Лоуренсом. Как художник этот товарищ использовал странный и комичный стиль. В его рисунках было много движенья, как будто он всеми силами стремился оживить нарисованное.

— Опять драконы, – проворчал Уильям.

На гравюре было несколько маленьких дракончиков... вернее это был один и тот же дракон, но в последовательном перемещении.

Артур счёл нужным прокомментировать. – Когда дракон идёт он поднимает хвост для балансировки и расправляет крылья, но не полностью... Оказывается, Лоуренс был знаком с некоторыми из них.

— Да... тогда ещё оставалось с десяток драконов, – нехотя ответил Уильям. – Оставь это. Не надоели тебе драконы?

— А-а-а... м-м-м-м... нет.

— Ладно. Долго не сиди и не забудь про обед. Констанция готовит что-то очень калорийное... и трудно переносимое для моего желудка... но твой потянет... хе-хе. Ещё она хочет поговорить на некую интересную тему... Приготовься, сын!

Артур поднял на отче удивлённый взгляд.

В ответ тот торопливо похлопал его по плечу и пробормотал. – Ну. Не буду мешать.

Круф лениво твякнул, вроде: «иди, иди, не мути гармоничную обстановку».

Артур перевернул страницу.

Его талантливый предок, сам того не подозревая, оставил своим потомкам настоящий клад. На примере сразу нескольких драконьих пар разного возраста он скрупулёзно описал жизнь драконов с момента откладывания яйца до самой смерти. Оказывается, дракончик в яйце был вполне сознателен и мог общаться с родителями на ментальном уровне. Уже в этом возрасте он обладал памятью и собственным мнением!

Недостаток хроник Лоуренса был в том, что информация о драконах являлась разбросанной кусками по разным книгам. Про себя Артур уже решил систематизировать и переписать всё о драконах в отдельную хронику, для чего он и оставлял закладки в нужных местах. Сбоку от него на полу громоздилась стопка отобранных книг.

— Пойдём, Круф, поработаем, – обратился молодой человек к собаке, собираясь перейти в рабочую комнату архива – в более удобную и приятную обстановку. Круф немедленно вскочил, обошёл ногу молодого человека и аккуратно вцепился зубами ему в штанину на шиколотке сзади. После чего лёг и поджал лапы. Последние три дня это был его способ перемещения вслед за хозяином. То есть Артуру предлагалось волочить пса по полу за ногой. Таким образом Круфи выражал свою привязанность, и скорбь по поводу их долгой, при-долгой разлуки, а так же намёк, что уж теперь-то он нипочём его не отпустит!

Артур усмехнулся, взял несколько хроник из приготовленной стопки, другой рукой взял с подноса тарелку с булочками, поднялся со ступеньки и тихонько пошаркал в рабочую. Круф, поскуливая от счастья, поволочился следом.

* * *

Обед, как и обещал папаша Уильям был чрезвычайно калориен. Констанция бросила все силы и пищевые ресурсы на увеличение массы тела её ненаглядного сына.

— Я вчера, чуть не умер от несварения! – как бы невзначай заметил Уильям, неодобрительно разглядывая изобильный стол.

— Это для Артура. Ты можешь не есть, – отрезала супруга.

— Могу и не есть, но! Трудно удержаться! Натура человека слаба и легко поддаётся искушению, её надобно ограничивать рамками... насильственно! – мудро заметил Уильям и ласково обратился к служанке, прислуживающей за столом. – Положи мне вон ту ножку, Фина.

Девушка хихикнула.

Артур улыбался. Он был счастлив.

— А мне вторую, – попросил молодой человек и подмигнул Фине левым глазом. Дева вдруг совсем не к месту покраснела щеками, и это напомнило Констанции о некоем чрезвычайно важном дельце.

— Хочу пригласить к следующему обеду госпожу Патрицию Тафо и... её дочь

Генриэтту. – Осторожно провозгласила хозяйка дома и строго посмотрела сначала на Фину, потом на мужа. Уильям отвёл глаза, кашлянул. – Э-э-э... Милая... девушка... эта как её... Генриетта...

— Уильям!

— Что-о-о?

— Женить хотите? – легкомысленно догадался Артур, припомнив предупреждение отца в архиве.

В столовой возникла неловкая пауза. Артур забрал у Фины тарелку и принялся есть. Констанция под столом несколько раз пихнула мужа носком обуви по тапку.

— Г-гхм... Ты против? – спросил сына старший Кэрроу.

— Да. Если позволите, уважаемые родители, я сам выберу себе жену. Как-то хочется любви и счастья, а не просто формальных отношений.

— Милый Артур..., – бросилась Констанция Кэрроу в атаку. – В семье любовь не является залогом счастья... Она видишь-ли проходит со временем. Гармония в семье лежит на трёх китах! Первый кит – это обоюдное понимание и уступки, второй – способность супругов договариваться, третий – выполнять взаимные обязательства....

— Я знаю, знаю... Мама... Тогда что ... убить любовь?

Артур невольно вздохнул. Вслед за ним испустили по вздоху родители и присутствующие слуги. Последним прозвучал очень громкий и страдальческий вздох больше похожий на стон. Семейство Кэрроу в едином порыве повернуло головы к источнику стенания.

Это был дворецкий Роберто Пиано у столика с закусками.

— Правду говорите, – чуть не прорыдал дворецкий. – Убить любовь! А-а-а-а! Как это страшно!

— У меня от него мороз по коже..., – шёпотом пожаловался Артур батюшке. – Он воображаемых немых женщин орхидеями Рассо мажет...

Уильям едва сдержался, чтобы не захохотать.

— Я позаимствую ваше изречение для названия моего следующего романа! – пафосно изрёк Пиано.

Артур припомнил, как был обвинён в плагиате при первой встрече с ним и мстительно покачал головой. – А вот и нет!

Пиано насупился, отвернулся к столику и стал громко переставлять тарелки. Артур совсем по детски показал язык его мрачной фигуре.

— Отец, – обратился он к Уильяму. – Ты не помнишь, у Лоуренса было хоть одно свидетельство убийства дракона? И если да, то в какой хронике. За какой год?

— Зачем тебе?

— Не могу понять: как можно убить огромного зверя, будучи самому ростом в половину его когтя.

— ... Я читал всего Лоуренса. У него нет свидетельства убийства дракона. Это единственное чему он никогда не был свидетелем. Ничем не могу помочь тебе, сын.

— Я могу! – выкрикнул Пиано.

Кэрроу дружно вздрогнули.

— Обменяю информацию на ваше изречение «Убить любовь!».

— По рукам! – торжественно кивнул Артур. – Можешь забирать.

Пиано торопливо заковылял к обеденному столу.

— Вот..., – дворецкий вытащил из кармана бумажку и угольный карандаш. На углу стола черкнул несколько строк и передал Артуру.

— Что это?

— Адрес. По нему живёт человек, способный за небольшую плату полностью удовлетворить ваше любопытство. Он всё знает! Как убить и всё такое... Информацию лучше получать от того кто ей владеет. Правда? Он охотник на драконов... бывший. Их сейчас уж никого не осталось. Он последний. Пьёт только... Вы ему купите чего-нибудь, можно синтетику. Зовут его Ю Цзяню. Говорят: Хо Тайбай перед тем, как направится к драконьей горе, заглянул к нему минут на десять!

У Артура широко открылись глаза. Пиано проницательно усмехнулся – понял, что попал в точку!

— Спасибо, – прошептал молодой Кэрроу.

— Не за что... собачке своей спасибо скажите... за то, что я теперь в вашем доме работаю и выдаю ценные сведения..., – Пиано повернулся и гордо поковылял прочь из столовой. Артур непонимающе посмотрел на родителей, те в свою очередь стали сосредоточено резать крольчатину в своих тарелках.

— Отец...

— Фина, налей мне воды и вон того салатика ложечку...

— Батя!

— Что-о?

— Он ведь про Круфа говорил?

— Ох..., – старший Кэрроу бросил вилку и нож. – Ладно, ладно... Круф сожрал его руку и ногу, когда этот мошенник залез к нам в архив. Верней, сожрал все четыре конечности, но по одной руке и ноге мы смогли у него отобрать и пришить на место! О-ох... у меня пропал аппетит!

— У меня тоже..., – прохрипел Артур, борясь с рвотными позывами.

Глава 7

Начало нового пути.

Стокла Гаи шёл домой. Два часа назад он уволился из казарм, поскольку следить теперь было не за кем. Шпионское приключение закончилось неожиданно быстро, и лично для него – без потерь. Он возвращался в безопасность и покой к нормальной жизни с приличной, натуральной едой и ежедневной гигиеной в изобилии. Отчего же на сердце была печаль? Гаи и сам не понимал. В очередной раз он, что то утратил..., вот только – что именно?!

Родной сад встретил его тишиной. Он казался ухоженным и счастливым, как будто трудолюбивый хозяин всё ещё присутствовал и прилагал усилия для его процветания.

Удивлённый Стокла наспех обошёл некоторые, особенно тяжёлые участки и убедился – сад в полном порядке. Присутствие Алистера было таким ярким, что Стокла вдруг подумал: «Мы ошиблись! брат не ушёл к порогу Мироздания... Он здесь в саду!».

Не в силах избавиться от навязчивой мысли, Гаи побежал в чайный кабинет, где Алистер любил отдыхать после трудов. Ещё издали с яростной надеждой он начал завывать. – Алистер, Алистер!

... В любимом гамаке Алистера лежал Ланца Зиги Элианту!

То есть уже не лежал. Услышав вопли Стоклы, он начал приподниматься и оказался застигнутым в позе растерянного лиса, который ещё не понял – откуда опасность. На небольшом столике перед гамаком, на подносе лежали фрукты.

— Ты! – выкрикнул младший Гаи, посмотрел на фрукты и добавил. – Выглядишь довольным...

— А ты не очень, – ответил Ланца.

— Я был довольным..., пока не увидел твою самовлюблённую рожу..., – буркнул Гаи, который после работы в казармах немножко избавился от таких эльфийских черт характера, как чувствительность и ранимость, а также научился иногда громко высказывать мысли вслух!

Ланца сначала удивился, потом прищурился. Он опустил ногу, которую держал на весу и сел.

— Не злись, – примирительно попросил полукровка. – Садись, поешь...

— Это моя фраза! – совсем рассвирепел Гаи. – Это мой сад и мой стол, и моя еда... – тыкал он пальцами в перечисляемые предметы, –... Которая выросла в моём саду, который, в свою очередь вырастили мои родители и мой старший брат!! Что ты здесь делаешь?!!

— Целепа позвала, – печально ответил Ланца. – Тебя нет, она совсем одна... всё время спит...

— А ты, значит, утешаешь?!

— Да, – подтвердил полукровка. – Садись, хватит белениться.

— Иди в жопу!

— Ого! Становишься взрослым!

Несколько минут они молчали. Стокла топтался на месте и раздувал ноздри, Ланца сидел с напускным спокойствием и печалью. Наконец, очень грустным голосом он сказал. – У нас плохие новости...

— Что ещё?! – заорал мальчишка эльф.

— Я не уверен, но, кажется, Целепа нашла «колыбель» – вчера кинули в дробилку на компост. Впрочем... может, это не она. Я ведь не садовник – не разбираюсь...

Гаи зарычал действительно по взрослому и, не вдаваясь в расспросы, развернулся и помчался проверить страшную информацию. А проверить можно было только одним способом – убедиться воочию!

Ланца выпрыгнул из гамака и побежал следом.

Лужайка с пилонами, которую Алистер Кас Гаи выбрал для посадки «колыбели» находилась в двух шагах от их с Целепой супружеской спальни. Со дня своей свадьбы старший Гаи предполагал, что наступит время, когда они захотят детей и выращивал детскую комнату в непосредственной близости от родительской и в секрете от Целепы, дабы не беспокоить её сердце напрасной надеждой. Секретность детской обеспечивали ненормально густые и высокие заросли малины. Обычно Целепочка, собирая малину, ходила по кругу и не задумывалась – а что же там в центре?

При виде «детской» Ланца, с досадой хлопнул себя ладонью по лбу.

Стокла увидел «живую-здоровую» колыбель и испустил облегчённый вздох. Он обернулся к Ланце и с укором проговорил. – Шутки у тебя дурацкие.

— Ну, я же не садовник! – повторился тот и стал оправдываться. – Она... со страшной улыбкой, что то запихала в дробилку. И первое, что пришло мне в голову: «Целепа добралась до колыбели. Она нашла её!» Слава Мирозданию – это не так... какое облегченье!

Стокла кивнул.

— Оно прекрасно! – оценил полукровка растение, которое в высоту уже достигало человеческого роста. Это были два крепеньких, идентичных стволика, отклонённых друг от друга – внизу, и плавно загнутых наверху – навстречу друг другу. Образованный контур был точь в точь, как сердечко на открытках для влюблённых. Со склонённых макушек свисали по тонкому зелёному жгуту с чешуйчатыми шарами на концах. Над каждым из шаров росло по одному толстенькому и огромному листу. В ближайшем будущем шары должны были превратиться в люльки, а листья в некое подобие навеса над ними от солнца, ветра и дождя. Колыбель была настолько оригинальным и совершенным растением, что легко узнавалась даже не садовником.

— Смотри, не проговоришься Целепе! – предупредил Стокла.

— Могила! – поклялся Ланца Зиги Элианту.

— Ладно, я купаться..., – с чувством облегчения Гаи покинул детскую. Ланца, наоборот, подошёл ближе и обнаружил, что обе «люльки» уже срослись боками, и покачивались в унисон. Он потрогал один из стволов, изумился его шелковистой гладкости и пробормотал. – Ну... я не садовник... так что мне пофиг...

* * *

Окраина, где Касперо приобрёл новое пристанище, была давно заброшена людьми. По причине отсутствия воды. Просто в один прекрасный день, вода, которую поднимали насосами из глубин земли, внезапно кончилась. В ответ на жалобы, власти прислали мага. Тот осмотрел местность и сделал неутешительные выводы – воды не будет. Естественный подземный резервуар оказался маленьким и самостоятельным, то есть, не соединённый протоками с общим руслом подземной реки. И теперь он был исчерпан. Для восстановления бассейна требовалось лет... триста. Тянуть наземный водопровод оказалось слишком затратным, как для государства, так и для частных кошельков.

Санчесы в первый же день столкнулись с этой проблемой. Насосы на скважинах отсутствовали (их вывезли), ржавые ручные помпы выталкивали на поверхность только воздух. Нашлось несколько выемок с дождевой водой – вот и весь ресурс... чужой – на лужи претендовала живность в лице одичавших кошек, крыс и прочей местной фауны. Антонио и Пауло сгоняли на «Ступени» и набрали воды в канистры в одном дворе с благословения доброго хозяина, но, разумеется, это был не выход. Каждый день вверх вниз не натопаешься, да и чужая доброта имела границы.

— Надо погулять по округе, – Антонио тарабанил пальцами по столешнице и оглядывал лица домочадцев.

Собравшись в рубке самолёта, семья обсуждала проблему.

— Гуляли уже! – вскинулся Алехандро.

— Ещё раз! Может, что то пропустили. И не всей толпой, как придурки, а разделится... Хорошее место, не хочется съезжать из-за отсутствия воды.

Прочие уныло закивали.

Снаружи перед обзорными окнами Касперо нарисовался улыбающийся лейтенант Хо. Он поднял руку и приветственно помахал Санчесам.

— О! – указал на него пальцем Лео. Нико выглянула из-за плеча старшего брата, глянула на гостя и чуть зарозовела щеками. Клауди несколько раз махнула рукой, мол, заходи. Шитао кивнул и исчез из поля зрения Санчесов. Через пару секунд загрели его шаги по трапу – молодец поднимался бегом. Ещё через секунду он влетел в рубку. Начались приветствия, объятия и рукопожатия. Обстановка мгновенно оживилась.

— Я принёс карту, – Хо потащил из нагрудного кармана сложенный лист бумаги. Он обошёл стол и уверенной рукой отодвинул Пауло от Нико. Освобождая место, Паулино заёрзал на скамейке вбок. Шитао сел и быстро глянул на пикинью огненным взглядом сверху вниз. В ответ Нико наморщила нос. Grimаса означала, что то вроде: «... Ща получишь поперёк макияжа красивый, багровый след... и ртом беззубым будешь шамать кашу каждый день на обед...».

Лейтенант отвёл шалые очи и развернул карту посреди стола. Это был укрупнённый участок подножия холма «Волосатое Колено» со стороны пустыни. То есть того самого места, где «спрятался» Касперо. На карте были обозначены строения на местности, рельеф, и все коммуникации, в том числе водные. Положение Касперо было помечено красным крестиком.

— Где взял? – деловито спросил Антонио.

— В дворцовой комендатуре. Карта устарела, её чертили десять лет назад, когда в округе кипела жизнь. Это наш цех. – Шитао ткнул пальцем в крестик.

— Ага, – кивнул Антонио. Санчесы в едином порыве склонились головами над «цехом».

— Подземный резервуар – здесь, – водил Шитао рукой по карте. – Касперо в двухстах метров от его северного края. Если в нём и есть вода, то только в самом глубоком месте. Э-э-э... Где-то тут. Резервуар никто не исследовал, так что я предполагаю. Надо обойти все помпы и колонки по центру резервуара – тут, тут, тут, тут... там просто вертикальные скважины с трубопроводами до самого дна.

— Ага, – опять кивнул Антонио. – Тогда разбиваемся на пары и обсле...

— Я с Нико! – в один голос выкрикнули Алехандро и Шитао и немедленно с возмущением уставились друг на друга через стол.

— А-а... , – Антонио сделал неопределённый жест рукой в воздухе.

— Я брат! – упорствовал Алехандро.

— А я дицзы. – мрачным и непоколебимым голосом ответил Шитао.

— Кто-о?!!

— ... Принятый на обучение.

(Антонио) – Так-так! Не дерёмся, тянем жребий!

— Эй! А меня спрашивать не надо? – опомнилась дева.

Головы всей семьи повернулись к ней с неммым вопросом в глазах.

— Н-ну? – Антонио кивнул подбородком вверх. Младшая Санчес набрала полную грудь воздуха, раздула щёки и выдохнула. – Я с диц... как его там. – Она неловко мотнула головой вбок на Шитао.

— Шифу... Хо развернулся корпусом к ней, благодарно наклонил голову и сложил руки перед собой – ладонью одной руки на тыльную сторону другой. Одновременно он злорадно сверкнул очами в сторону Алехандро. В глазах последнего застыло настоящее потрясение от вероломства с той стороны, откуда он совсем не ждал!

Сорок минут спустя исследователи, разбитые на пары, бродили от колонки к колонке, где то приблизительно по центру подземного озера. Ориентировались на строения, заранее отмеченные на карте. Что было очень трудно! За несколько лет отсутствия людей большинство домов, кои и раньше не блистали новизной, превратились в трудно классифицируемые развалюшки. Так что центр выявлялся... интуитивно. Шитао это совсем не волновало. Карту лейтенант притащил для отвода глаз, а на самом деле он собирался явить воду путём простейшего сброса магии. Тем более, что его уже конкретно распирало! Оставалось проделать сброс как можно более естественно, дабы у его спутницы не возникло вопросов.

Они с Нико шли по улице, сильно занесённой песком из пустыни. Справа и слева стояли халупы с зияющими окнами без стекла и открытыми дверными проёмами, часто без крыши. Иногда из темноты домов на них сверкали глаза одичавших кошек.

Нико шла – независимая, гордая и свободная, с руками в карманах лёгкой куртки. Необъятные, застиранные шорты, предположительно после Антонио, раскачивались туда-сюда вокруг её тонких ног. Подпрыгивали чёрные своевольные завитки.

Шитао нарезал круги вокруг неё – он изображал бдительного телохранителя. Меч лейтенант нёс обеими руками впереди себя – одной рукой за ножны, другой за рукоять. На каждый шорох, дуновение ветра, или кошачий мяв, Хо выдёргивал меч на одну треть и со свирепо перекошенной мордой прыгал на звук.

Нико хохотала.

За этой весёлой парочкой двигался ещё один тендем – не такой весёлый и более скрытный – Алехандро и Лео. Эти двое забили на поиски воды, и теперь следили за Шитао.

— Актёр мля..., сладкоречивый мля..., я ему покажу дицзы...мля, – бормотал Алехандро, который был очень-очень ответственным братом, и который приглядывал за Нико с момента её рождения. И который вдруг в одночасье потерял эту «работу»!

Эти два Санчеса двигались перебежками, прячась за стенами, кучами песка и мусором.

Шитао в очередном прыжке зацепился ногой за кирпич и полетел носом вперёд. Тут же вскочил на одно колено и стал делать энергичные выпады ножами. – Умри, умри, умри!

Алехандро выглядывал из-за стены строения одним глазом, Лео стоял у него за спиной и тоже пытался посмотреть. Первый отпихивал второго ногой, чаще просто в пустоту, потому что Лео отслеживал ногу Алехандро и неспешно отстранялся. Сверху на них шурился сердитый кот, раскрашенный почти как маленький ягуар.

— Хорош лягаться, – терпеливо попросил старший брат младшего.

Нико опять захохотала. Кот дёрнул шкурой и прыгнул на спину Лео. Тот в свою очередь взвизгнул и со зверем на спине выбежал из укрытия. Пробежал мимо Шитао и Нико, вильнул вправо-влево и скрылся в переулке. За ним промчался Алехандро – оторвать кота от брата. Пробегая мимо Шитао, он стиснул руку в кулак и потряс им в воздухе. Хо в отместку медленно показал ему средний палец.

— Следопыты, – с досадой констатировала Нико.

— Засранцы, – подтвердил Хо. Прихрамывая, он подошёл и встал рядом. Словно невзначай лейтенант обнял деву за плечо и потянул, мягко разворачивая лицом к себе. Поясняя своё «ужасное» поведение, он пожаловался: «Пальцы прибил...». Нико с готовностью предоставила страдальцу «себя» для опоры. Шитао опёрся и жалобно закричал, мол, смертельно ранен, ... почти убит!

Сцепленные, словно сиамские близнецы, они поковыляли к очередной колонке. Лейтенант Хо утрированно хромал и с каждым шагом прижимал деву чуть сильнее, чем в предыдущий раз. Ну вроде он от боли себя не контролирует... До колонки они добрались в наименее худших объёмах. Оба дышали соответственно – немножко загнанно и беспорядочно.

— Пришли, – шёпотом сказала дева, указывая «раненому» на колонку, безжизненную по всем признакам. Шитао кивнул, но отцепиться не торопился. Он лишь чуть ослабил хватку, поскольку совершал некий манёвр. Он наклонился. Глаза молодца горели алчным огнём, как у голодного вампира.

С наивным и невыносимо скромным видом Никуша чуть отстранилась назад, лейтенант придвинулся, Нико опять отстранилась, лейтенант опять придвинулся – нос к носу. Нико отстранилось ещё... Шитао, само собой, придвинулся...

— Э-эй! – сказала девица и тихонько стукнула настырного «упыря» по тылке.

— Пальцы ужасно болят, – пожаловался Хо и на кратчайший миг почти коснулся ртом её губ. Дева опять ускользнула и «невинно» предложила: «Давай посмотрим, а вдруг ты палец сломал?»

Шитао неохотно отпустил свою добычу. Наступил удобный момент исполнить задуманное по сбросу магии. Он наклонился, стащил обувь и привычным жестом расстегнул браслет на ноге. Ещё до того, как он снял носок освобождённая магия мощным потоком пошла вниз – в землю. Одновременно Хо страстно пожелал наполнить водой пустующий резервуар под ними.

Нико присела на корточки и критически рассматривала его ступню на первый взгляд невредимую.

Через минуту Хо ощутил толчок – отчётливо и мощно, словно ударную волну от взрыва. Это пришёл магический ответ.

— Давай качнём, – заторопился Шитао проверить – получилось или нет. Впервые он проделывал нечто подобное.

Маленькая Санчес встала. Вдвоём они взяли за ручку помпы и надавили вниз со страшным скрипом. Раструб помпы зашипел и заплевался воздухом.

С минуту они раскачивали скрипящую, визжащую и свистящую колонку и вдруг внизу загудело, затем раздался хлопок и крышка водонапорного механизма, сорванная с резьбы шурупов, улетела в небеса, уносимая фонтаном десятиметровой высоты! Сверху на головы водо-добытчиков полился водопад. Дева завизжала. Схватившись за руки, и забыв про больную ногу, парочка с хохотом помчалась спасаться.

— Мы же не утонем?! – вопила Санчес.

Через три улицы от них пришёл восторженный рёв. Это Антонио и Паулито увидели водяной столб.

* * *

В саду Гаи могло быть очень мрачно, особенно если день клонился к вечеру, и на небо набегали облака и закрывали предзакатное солнце. Тогда ухоженный сад превращался в настоящие джунгли... с беспощадными хищниками.

Вот и сегодня два таких – большой и маленький, крались в зловещих сумерках между пятью и шестью часами вечера! Хищник поменьше и по изящнее держал в лапах..., то есть, в руках – топор!

— Стокла искупался, поел, теперь спит, – подобострастно докладывал большой хищник. «Маленький» сосредоточенно стискивал: вверху – челюсти, внизу – топориче.

А Стокла и вправду спал. Спал и не ведал беды. Со всех сторон он был уютно завёрнут, в толстенький, ворсистый плед, и видел сон. Во сне, улыбающийся Алистер, одобрительно говорил – Ты уже вырос, совсем самостоятельный...

— А ты меня бросил, – упрекнул брата Стокла.

— Прости, я не хотел, так вышло, – Старший присел перед гамаком и погладил младшего по чёрным волосам. Стокла мгновенно ощутил себя на седьмом небе.

— Пора уходить, – вздохнул Алистер.

Младший отрицательно замотал головой и взмолился. – Ещё чуть-чуть останься, совсем немножко.

— Ты не понял. Тебе пора уходить...

— Что?

Гаи проснулся, стал лихорадочно водить глазами в поисках старшего брата. Из глубин сада пришёл стук топора, затем треск падающего дерева. Эльф скатился с гамака на траву. Несколько минут он вихлялся, наподобие жирной личинки, и наконец, смог выползти из «одеяльного кокона».

Опять застучал топор.

Стокла поднялся и на трясущихся ногах побежал в сторону детской, поскольку совсем не сомневался: какое дерево сейчас предадут погибели.

Ланца Зиги Элианту рубил, а Целепа держала за ствол, отклоняя его так, чтобы создавать напряжение в месте рубки. Один из стволов уже был срублен и лежал на траве в метре от преступников. На месте сруба сочился яркий красный сок. Тот самый, который полностью обеззараживал воздух от патогенов на территории радиусом в пятьдесят метров. Так растение оберегало доверенных ему детей.

— Целепа!!! – ахнул Гаи, выскочив на лужайку с пилонами. Вдова вздрогнула, Ланца выронил топор.

Стокла схватился за голову и упал сначала на колени, потом на бок: «Предатели!...», – горестно завывал он и скрёб ногами: «...Я вас ненавижу!! Ланца! Ты скотина-а!! Видеть вас не могу-у-у!»

«Пора уходить...», – шёпотом напомнил Алистер.

Гаи резко заткнулся. Он полежал, хватая ртом воздух, потом медленно поднялся. Сгорбленный и несчастный, не глядя на свою невестку и предателя Ланцу, он повернулся и зашагал прочь. Не заботясь о том – слышат его или нет, Стокла вполголоса проговорил: «Я ухожу...».

Он не собрал вещей, не взял денег и еды. Отрешённый и безучастный, с остановившимся взглядом, юный эльф прошагал через сад, и далее через весь «Сай Ирджери» до ворот, спустился с холма в темноту Низины и побрёл по едва освещённым кварталам рабов. Куда и сам не знал. Как говорится: «куда глаза глядят».

На улицах было неожиданно оживлённо. Народ заканчивал работу. Шудры брели домой или в точки развлечений и отдыха. Стокла, который никогда не видел столько людей сразу, чувствовал себя больше, чем неуютно. Он даже пришёл к выводу, что решение уйти, было

несколько хаотично и поспешно, на эмоциональной волне, так сказать. А надо было подумать ..., взвесить..., не рубить с горячей головы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.